

Виктор Дос

КНИГА ПРИСТРАСТИЙ

Моя маленькая кунсткамера	3
Полицейские истории	21
Тост	29
Полосатая жизнь	32
Кретин	39
Орлиный суп	64
Ты пойми, солдат	66
Умереть в Париже	72
Отец	74

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ КУНСТКАМЕРА

*Треугольник вас, ученых,
превратит в умалишенных...*

В.Высоцкий

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

1.

У меня зазвонил телефон. Кто говорит? – Нет, к сожалению, это был не слон. Звонила девушка, которую, чтобы никто не догадался, я назову именем Галя (прекрасное имя, главное редкое...). Галя сказала, что хочет приехать к нам в гости, потому что *она у нас уже один раз была*. Ничего необычного, кроме разве что несколько своеобразной аргументации, в этом не было. К нам все время кто-то приезжает, у нас все время кто-то живет. Современный Париж – это же Вавилон, столпотворение народов, с заметным арабско-африканским уклоном... А наш дом в парижском пригороде Бобини – это тоже этаким маленьким Вавилончик, правда с русским уклоном.

- Слушай, а ты не знаешь, кто такая Галя? – спросил я жену.

- Я думала, ты знаешь... - пожала плечами она

Следующий раз Галя позвонила уже из аэропорта. Я ей сказал, что нужно доехать на поезде до станции Ле Бурже, а потом сесть на 143-й автобус в сторону Бобини. Я тогда еще не знал, что этой девушке нужно давать инструкции совсем другого уровня. После этого Галя пропала на полтора часа (это притом, что поезд до Ле Бурже идет двадцать минут), а когда она позвонила следующий раз, то выяснилось, что она уже едет в автобусе, правда никакой город Бобини у нее там не просматривается. Попутно также выяснилось, что в Ле Бурже она попала только со второй попытки: во время первой попытки она Ле Бурже проскочила и уехала в Париж, где некоторое время блуждала по вокзалу, пока, наконец, какие-то добрые люди не посадили ее в правильный поезд, а потом ссадили в Ле Бурже.

Понять, куда едет Галя в своем автобусе, оказалось делом далеко непростым. По-французски она не говорила (а название города Бобини она произносила так, что даже я бы не догадался), а окружающие ее пассажиры, соответственно не говорили по-английски. На вопрос, что она видит вокруг, Галя отвечала, что видит дома... В конце концов я попросил ее отдать свой телефон водителю, после чего все встало на свои места. Автобус был правильный, но только ехала Галя в противоположном направлении. Я предложил ей выйти на ближайшей остановке, перейти на противоположную сторону улицы и сесть в автобус с тем же самым номером. Насколько я понимаю, Галя честно попыталась выполнить этот сложный маневр, но, к сожалению, как выяснилось позже, у нее ничего не получилось, потому что когда она следующий раз вышла на связь, она была уже на конечной остановке 143-го автобуса в противоположном от Бобини направлении. То есть она вышла из автобуса, некоторое время поблуждала, и снова села в автобус, идущий в ту же неправильную сторону.

Теперь, правда, дело заметно упростилось, потому что, когда садишься в автобус на конечной остановке, то уехать в неправильном направлении уже невозможно. Важно

было лишь не перепутать номер автобуса, но в цифрах, в отличие от местности, Галя вроде бы еще ориентировалась. Тем не менее, по моей просьбе она снова дала телефон водителю, я убедился у него, что автобус правильный и объяснил где нужно высадить эту... мадмуазель. В результате операция прошла без сучка, без задоринки! На автобусной остановке водитель передал мне Галю из рук в руки, и я благополучно доставил ее к нам в дом.

Пришло время познакомиться. Конечно же, я про Галю уже слышал, а может быть даже когда-то и видел. Эта девушка заканчивает аспирантуру, и, судя по многочисленным отзывам, является очень талантливой и подающим большие надежды физиком-теоретиком. Думаю, это многое объясняет... В данный момент Галя ехала из Москвы на неделю в Копенгаген, где должно было происходить какое-то теорфизическое сборище. Почему ей при этом понадобилось делать суточную остановку в Париже (при том, что это Копенгаген находится по дороге в Париж, а не наоборот), я не очень понял. Тем более, что значительно больше меня озадачил чемодан, который она приволокла с собой из Москвы. Галя сказала, что он ей совершенно не нужен в Копенгагене, и поэтому она оставит его у нас дома, а потом заберет на обратном пути из Копенгагена в Москву. Ну, в общем, я решил не задавать бестактных вопросов. В конце концов, у всякой частной жизни могут быть свои особенности. Я, например, в детстве, когда меня никто не видел, любил прыгать на одной ноге – ну и что? А есть люди, которым нравится путешествовать с ненужным им чемоданом...

Вечером в отведенной ей комнате Галя зажгла привезенные с собой свечи, пристроила на столе образок Божьей Матери, а потом сказала, что будет всю ночь работать, потому что у нее накопилась масса всего не сделанного. На следующее утро я ее взял с собой в университет и посадил у себя в кабинете, потому что Гале понадобилась электронная почта. Ее самолет в Копенгаген был после обеда. Галя сказала, что ей нужно еще массу всего сосчитать, потому что у нее накопилась масса всего несосчитанного, села за стол, положила голову на руки и тут же уснула. Когда она проснулась, можно было уже двигаться в аэропорт. Однако тут Галя всполошилась, и сказала, что хочет успеть посмотреть в Париже розовых фламинго... Ну а что, почему нет? – хорошее дело – в конце концов, не на улицу Сан-Дени человек просится (у меня вдруг мелькнула мысль: так вот зачем она сделала остановку в Париже!). Я сказал, что как раз недалеко от университета в Ботаническом саду есть небольшой зоопарк, по которому бродят толпы прекрасных розовых фламинго. Галя уже взялась за ручку двери, когда я почувствовал, что мною начинают овладевать смутные сомнения: она пойдет смотреть своих розовых фламинго, и ее самолет улетит без нее...

- Галя, - спросил я, - а из какого аэропорта улетает ваш самолет, «Шарль де Голль 1» или «Шарль де Голль 2»?

- Из «Шарль де Голль 3», - без запинки ответила Галя и стала открывать дверь.

Это, как говорится, для знатоков «штучка»: сейчас его уже достроили, а тогда никакого аэропорта «Шарль де Голль 3» еще не существовало.

- Стоп! – сказал я. – Покажите, пожалуйста, ваш билет.

В билете (купленном в России) номер «Шарль де Голля» вообще отсутствовал – в России видимо считают, что Шарль де Голль был и остается одним единственным - но с помощью интернета я быстро установил, что Галин самолет улетает из «Шарль де Голля 2».

Галя снова взялась за ручку двери, но меня продолжали одолевать смутные сомнения. К счастью, в этот момент она заинтересовалась, сколько может стоить зрелище розовых фламинго в Ботаническом саду. Я сказал, что что-то около пяти евро, на что Галя вздохнула с явным облегчением: «Ну тогда у меня хватит...». Это, однако, только укрепило мои сомнения, поэтому я не удержался и спросил:

- Галя, простите, пожалуйста, за нескромный вопрос, а сколько у вас денег?

- Десять евро, - с достоинством ответила она, - но в Копенгагене мне заплатят... - И стала открывать дверь, чтобы пойти, наконец, к своим розовым фламинго.

И тогда мои смутные сомнения переросли в полную уверенность.

- Стоп! – сказал я. – Галя, а вы знаете, что проезд в аэропорт тоже стоит денег? И никак не меньше десяти евроков...

Эта неожиданная и совершенно безжалостная арифметика поставила Галю в тупик, она растеряно замерла в дверях.

- Так, - сказал я, - розовые фламинго отменяются. Вы едете в аэропорт.

В итоге первая часть триллера «Галя в Париже» закончилась относительно благополучно (если, конечно, не считать заброшенных розовых фламинго). Я вручил Гале десять евро (она пыталась отказываться!), отвел ее на нужную станцию и посадил в правильный поезд, который шел в аэропорт и никуда больше – благо «Шарль де Голль 2» - это конечная остановка. Далее, уж не знаю как, но в Копенгаген она улетела – видимо аэропорт не без добрых людей...

2.

Спустя неделю в заранее оговоренное время (14.00) Галя на связь не вышла. Не подала она о себе знать ни через час, ни через два, ни через три. Галин самолет в Москву улетал сразу после полуночи, время шло, а от бедной девушки не было ни слуху, ни духу. Галин чемодан смотрел на мир с молчаливым укором...

Она позвонила только в около семи вечера и рассказала драматичную историю о том, как она опоздала на свой самолет в Копенгагене, и как она прямо в аэропорту ухнула все свои заработанные деньги, чтобы тут же купить (за какую-то совершенно несусветную цену) новый билет на следующий рейс в Париж, потому что шутки шутками, но ей сегодня нужно успеть на свой самолет в Москву.

В общем, пока еще Галя успевала не только забрать свой чемодан, но и поужинать. Чтобы не грузить больше водителей автобусов телефонными переговорами, я поехал на станцию Ле Бурже встречать Галю сам. Тем не менее, выдерживая традицию, Галя появилась только через полтора часа, приехав на поезде, который шел из Парижа. Видимо, попасть на станцию Ле Бурже с первой попытки, было просто выше ее сил.

Я привез Галю домой, мы с женой ее быстро накормили ужином, я погрузил в машину ее чемодан и повез обратно на станцию Ле Бурже. Для большей уверенности, что весь этот бедлам (для меня) закончился, я прошел вместе с Галей на платформу и посадил ее в поезд, который шел именно в аэропорт, а не наоборот. И только когда двери вагона закрылись, и поезд тронулся, я сказал себе: «Хух! Все!». Увы, это выражение чувств было несколько преждевременным...

После полуночи у нас дома раздался телефонный звонок. У меня внутри сразу же что-то екнуло, и я, следуя методике Паниковского, сделал вид, что сплю. Трубку взяла моя жена, и по разговору я сразу же понял, что мои худшие опасения сбываются: у Гали в аэропорту возникли серьезные проблемы.,,

У всякого материала есть свой предел прочности – если его перегрузить, то происходит «крак». Мы с женой кракнули почти одновременно, только проявилось это у нас с ней по-разному. Я притворился спящим, а моя жена выдала в телефон твердый и недвусмысленный отказ. Суть дела оказалась очень простой. Там, в аэропорту вдруг выяснилось, что Галя просто перепутала дату вылета: на самом деле ее самолет в Москву – только через сутки. Ночью из «Шарль де Голля» никакие поезда не ходят, и по этой причине она просила, чтобы я приехал за ней на машине. Выяснив, что сорок евроков у Гали все-таки имеется, моя жена предложила либо приехать к нам на такси, либо за те же деньги переночевать в аэропорту в гостинице. Дальнейшие подробности мне не

известны, потому что Галя к нам не приехала. Знаю только, что в Москву она, в конце концов, долетела – все-таки мир не без добрых людей...

НЕМЕЦКАЯ КРОВЬ

Существует мнение, что все на свете неприятности происходят из-за евреев. Есть, впрочем, и другая точка зрения, согласно которой, во всем виновата злокозненная Америка (иногда, правда, добавляют, что это опять-таки из-за евреев, которые ее захватили). В зависимости от места проживания, в главные злодеи иногда попадают либо кавказцы, либо «косоглазые», либо арабы... А я вот знаю одну женщину, которая любую неприятность, любое несчастье объясняла кознями... немцев!

Дело было осенью 1995-го года. Ее звали мадам Совэ, профессор зоологии в университете Орсе под Парижем, живая энергичная дама лет пятидесяти, и на первый взгляд – совершенно нормальная. Я снимал у нее квартиру, и при каждой нашей встрече она увлеченно разъясняла мне глубинную сущность любой неприятности, коих тогда (как, впрочем, и сейчас) происходило на нашей планете великое множество. Здесь, однако, я должен сделать небольшое отступление, потому что для дальнейшего важно знать на каком общественном фоне происходило наше общение.

Поздней осенью 95-го года французское общество поразил острый социально-экономический кризис. Случился он, естественно, не вдруг – признаки надвигающихся потрясений были заметны заранее. С некоторых пор я стал замечать на парижских улицах пешеходов, которые носят с собой велосипедные седла и велосипедные рули. Дело в том, что парижане стали не только приковывать свои велосипеды толстенными цепями (которые может сокрушить лишь автоген) к бетонным столбам и стальным уличным перилам (которые может сокрушить только тяжелая техника), но и уносить с собой легко снимаемые велосипедные части. Да-да, причина была самая банальная - чтобы не сперли. Можно сколько угодно анализировать графики экономических показателей, динамику инфляции и безработицы - не мне об этом судить. Значительно более убедительной мне представляется методология булгаковского профессора Преображенского. Помните, как он просто и точно определил, что такое разруха? - это когда начинают писать мимо унитаза. Так вот, я убежден, что если граждане начинают таскать с собой велосипедные седла и ставить на дверях своих квартир по четыре замка - значит в обществе глубокий кризис. Мадам Совэ, правда, придерживалась другой точки зрения – она полагала, что весь этот бардак во Франции организовали проклятые немцы – но ее теорию я подробно изложу чуть позже.

Так вот, в конце ноября 1995 года французское правительство сделало поразительное по своей смелости заявление, а именно, что государственный бюджет – это не дойная корова, что нужно жить по средствам, и как следствие этой общей грозной декларации, предложило «радикальную» меру, а именно, увеличило на пару лет стаж, необходимый для получения максимальной пенсии для железнодорожников, с тем, чтобы этот стаж стал таким же, как у всех остальных французов. В ответ профсоюз транспортников (который, замечу, контролируют местные троцкисты и коммунисты) объявил забастовку. Это трудно себе представить, но в декабре 1995 года на три недели остановился весь наземный общественный транспорт - поезда, метро и автобусы. И так как на работу стало добираться почти невозможно, то остальные граждане тоже прекратили работать. Под шумок объявили забастовку даже почтовые служащие (письма перестали ходить!), частично перестали летать самолеты, а население вместо работы стало ходить на демонстрации. Все припомнили ненавистному правительству! Студенты, естественно, больше всех разбушевались: вспомнили, что им аудиторий и преподавателей не хватает. А чтобы им больше верили, они стали ходить по улицам, бить окна в магазинах и поджигать машины. Раньше я, в общем, тоже догадывался, но теперь знаю точно: если человек громит окна в магазинах, значит ему не хватает преподавателей. Население, по

началу, сгоряча расселось по своим автомобилям, но от этого стало еще хуже, потому что движение на дорогах сразу же остановилось. Потом постепенно многие пересели на велосипеды, и в результате стало очень похоже на Китай. В декабре в Париже было холодно, поэтому граждане закутывались чем попало, лиц не видно, а как едет по улице толпа велосипедистов, а на них не пойми кто - получается как в Китае. Я же специалист по китайцам...

И вот, на фоне этих классовых битв, я договаривался по телефону (телефон еще работал) с мадам Совэ о съеме ее квартиры. Хозяйка дала свое согласие с поразительной легкостью, даже ни разу не взглянув мне в глаза (видимо, для нее главное было, что я не немец)! Я же, со своей стороны, тоже был на все согласен, даже ни разу не посмотрев квартиру. В общем, все устраивалось быстро и просто. Первая заминка возникла, когда я заявил, что готов вселиться в квартиру немедленно. Мадам Совэ сконфуженно пробормотала, что ей нужно сначала в квартире немного прибраться, а это может занять некоторое время. На это я, конечно же, предложил свои услуги, чтобы это «некоторое время» максимально сократить. Тут мадам Совэ сконфузилась еще больше, стала говорить, что это совершенно излишне, и добавила загадочную фразу, что я не очень представляю, о чем идет речь. В общем, договорились, что я приеду (я тут же спросил себя, интересно на чем?) на следующий день ближе к вечеру.

Как я преодолевал те тридцать километров, которые отделяют город Орсе от Парижа – это тема отдельного, еще не написанного триллера. Так или иначе, в шестом часу вечера следующего дня усталый и злой как собака на всех этих троцкистов, коммунистов и прочих «борцов за права трудящихся», я вошел в квартиру, где мне предстояло прожить ближайшие три месяца. Моему взору открылось... как бы это сказать помягче?... Ладно, лучше я опущу все те эпитеты, что вертятся у меня в голове. В общем, в небольшой двухкомнатной квартире стояли, сваленные одна на другую четыре кровати, в одной из комнат «в затылочек» друг другу стояли три больших шкафа, сваленные в кучу почти до потолка лежало много каких-то старинных красного дерева этажерок и книжных полок, по всей квартире валялось бесчисленное число стульев, и все пространство было равномерно усыпано пыльными бутылками, бумажками, картонными коробками, щепками и прочим мусором. Мадам Совэ озадачила меня еще больше, когда заявила, что она уже почти закончила уборку. В действительности она и не думала шутить – по сравнению с тем, что было в квартире еще утром, нынешнее ее состояние выглядело как почти идеальный порядок. Когда я несколько позже познакомился со своим соседом по лестничной площадке, он сказал, что изначально все внутренне пространство этого жилища было заполнено мебелью вперемешку с мусором до самого потолка.

У мадам Совэ была довольно большая машина типа фургон с багажником на крыше и прицеп, который представлял собой большой вместительный вагончик. Целый день она таскала все эти шкафы, кровати и письменные столы, грузила их в свой автотранспорт и увозила к себе в дом, который находился километрах в трех на другом конце города Орсе. С моим появлением дело пошло быстрее, и после четырех ходок мебели в квартире осталось уже вполне разумное количество. Значительно хуже (впрочем, только на мой взгляд) обстояли дела с внутренним убранством того дома, в котором, по словам мадам Совэ, она живет. Не верить ее словам у меня не было никаких оснований, но и поверить в них, после то, что я увидел, тоже было трудно. Нет, мебель там еще не занимала все пространство до потолка, но проходы для перемещения внутри дома стали местами такими узкими, что можно было протискиваться только боком. Какой-то дурдом, честное слово. Меня все время не оставляло гнетущее чувство, что я участвую в каком-то параноидально-шизофреническом спектакле. Мадам Совэ, наоборот, выглядела совершенно счастливой. Она энергично таскала с места на место свои этажерки, улыбалась и болтала без умолку. Именно тогда она впервые и посвятила меня в тайны скрытых механизмов всех мировых безобразий.

Это была наша последняя «ходка» с мебелью. На багажнике машины был пристроен, ни много, ни мало, огромный шкаф, а в прицепе находилась кровать и бесчисленное количество стульев. Дорога шла по лесистому склону холма, то поднимаясь, то опускаясь, поэтому наш автопоезд двигался медленно и осторожно, как будто мы везли емкость с нитроглицерином. В надвигающихся сумерках я вдруг увидел на обочине дороги много людей и какую-то суету. Горели костры, рядом стояли складные столики, на которых лежали стопки бумаги, на земле были установлены несколько больших коробок с надписью «для пожертвований». Здесь же между деревьями какие-то люди натягивали растяжку с надписью «поддержим забастовщиков!». Первой моей мыслью было: «Ах вот они где, гады! Троцкисты недобитые!» Вторая мысль была немедленно выскочить из машины и дать кому-нибудь из них по морде. В этот момент, совершенно забывши о своей драгоценной мебели, мадам Совэ резко затормозила и с визгом выскочила из машины. Я грешным делом подумал, что она прочитала мои мысли и сейчас, чтобы сделать мне приятное, кого-нибудь из этих забастовщиков приберет. Но я ошибся. Выкрикивая что-то вроде «но пассаран», она кинулась всем пожимать руки, а с некоторыми даже пыталась обниматься. Потом она вытряхнула на один из столов все свои деньги из кошелька (уж не знаю, сколько там у нее было), а затем открыла фургон-прицеп и пожертвовала забастовщикам три стула (у меня мелькнула мысль: «Лучше бы она им шкаф пожертвовала...»).

В машину мадам Совэ вернулась возбужденная и совершенно счастливая. Глядя на мой ошарашенный, вид она объяснила:

- Наконец-то! Наконец начал возрождаться истинно французский дух, который называется «Свобода-Равенство-Братство»! Мы дадим под зад этим проклятым бошам!

Видя, что мой открытый в изумлении рот, от этих деклараций вовсе не закрылся, а наоборот, стал открываться еще шире, мадам Совэ стала мне все объяснять подробно и обстоятельно. К сожалению, законспектировать ее лекцию я тогда не удосужился, поэтому сообщу лишь краткое резюме. Оказывается, еще со времен Римской империи (а может и раньше – этого мадам Совэ пока еще не раскопала) германцы стремились к мировому господству. Именно поэтому они руками одуроченных ими варварских племен разрушили античный мировой порядок и ввергли мир в хаос. Что они творили во времена мрачного средневековья, я не очень запомнил, потому что, увы, не силен в Европейской истории, но хорошо помню, что «мрачным» оно стало именно благодаря усилиям германцев. Это они охмурили головы глупым *германствующим* англичанам и добились, чтобы бедную Жанну д'Арк сожгли. Это они, они! - мадам Совэ это доподлинно установила! - занесли в Европу чуму. Даже судилище над Галилеем устроили германские агенты влияния в Ватикане. Про две мировые войны а двадцатом веке можно не объяснять – все и так ясно. После Второй мировой войны немцы расползлись по всему свету и окончательно обезумели, потому что решили: либо этот мир будет принадлежать им, либо он должен быть уничтожен!... Эти проклятые боши захватили все ключевые посты в Америке. Вы только посмотрите, кто теперь там командует! Вы поинтересуйтесь фамилиями и биографиями тех, кто создавал все эти атомные бомбы и все эти ужасные ракеты! Вы только внимательно проследите их происхождение и поинтересуйтесь их предками. И вы увидите, что все, кто нынче спрятался за англо-саксонскими и еврейскими именами, на самом деле боши! Все, все они боши! Какие там евреи! – Не смешите меня господи! – патетически воскликнула мадам Совэ и дернула руль так, что мы чуть не улетели в кювет вместе с нашим шкафом и всеми стульями.

Происходящее мне нравилось все меньше и меньше. Откуда я знаю? - может она буйная... А интересно было бы послушать, - вдруг подумал я, - как она преподает в университете свою зоологию? Мамонтов, наверное, тоже предки германцев извели?

Однако, перейдя к современности, мадам Совэ стала потихоньку успокаиваться. Здесь, по ее мнению, спорить было просто не о чем – все происходящее и так очевидно.

Объединенная Европа – это чисто немецкая затея. Продажное французское правительство напичкано немецкими агентами влияния. *Германствующий* президент Миттеран, как прекрасно всем известно, сотрудничал с нацистским правительством Виши во время войны и с тех пор остается послушной немецкой марионеткой. Все они, все, стремятся разрушить и уничтожить прекрасную Францию – последний оплот сопротивления всемирному германскому заговору...

На этом мои потрясения не закончились. Выгрузив мебель в дом мадам Совэ, мы вернулись обратно в квартиру, чтобы завершить уборку. Я предложил было усталой пожилой женщине отдохнуть, мол с веником и мокрой тряпкой я справлюсь и сам, но мадам Совэ совершенно серьезно заявила, что столь *деликатное* дело она не может доверить мне одному. Вскоре я понял, что именно она имела ввиду. Как я уже упоминал, весь пол в квартире был усыпан всякими банками, бутылками, щепками бумажками и прочим хламом. Однако, как только я начал собирать этот мусор в помойку, мадам Совэ тут же с визгом и причитаниями стала у меня все отбирать обратно. Оказывается за каждым даже самым ничтожным предметом (который я по глупости принимал за мусор) скрывается своя трогательная история. Мадам Совэ бережно брала очередную помятую банку из-под кока-колы и с нежностью говорила:

- А вот эту баночку выпила моя маленькая племянница Аннет, когда приезжала ко мне в гости в октябре 1978-го года... Она была такая милая тогда... Говорила, что любит меня, как маму...

- Нет-нет!... – восклицала мадам Совэ, отбирая у меня пыльную грязную бутылку, в которой когда-то был «Мартини». – Под рождество 82-го года ко мне приезжали два самых близких мне человека, мои кузины, Софи и Мариэль... У Софи был тогда очень трудный период... Ох, и напилась же мы тогда...

- А вот это... - задумчиво говорила мадам Совэ, рассматривая темную надбитую бутылку. – Конечно, давно уже пора бы выбросить ее ко всем чертям и выкинуть все из головы, но не получается, никак... Мне тогда показалось... А *он* потом оказался такой свиньей!...

- Вы знаете, - оживилась мадам Совэ, вынимая из моих рук мятый обрывок бумаги, который я чуть было не отправил в мусорное ведро, - жалко, здесь уже почти ничего не видно – эти фломастеры так быстро выцветают – на этом листке маленький Андриан – он мне всегда был как родной внук – впервые написал свое имя. Правда! Сам написал! – я ему совершенно не помогала...

Все это она бережно складывала в большие полиэтиленовые пакеты. Я же оказался фактически не у дел, исполняя лишь роль благодарного слушателя.

Уборка подходила к концу, и хозяйка квартиры пошла в ванную комнату вымыть руки. И вдруг, вслед за звуком льющейся воды, из ванной послышались ужасные французские ругательства (которые даже в адаптированном русском переводе я воспроизвести не решусь), причем все они адресовались проклятым бошам. Первой мыслью было, что мадам Совэ неожиданно обнаружила в ванной недобитого фашиста времен Второй мировой войны. Однако все оказалось намного сложнее. Дело было в том, что в ванной забился сток воды. Причем здесь немцы? – спросите вы. Мадам Совэ мне все объяснила, слушайте. В конце пятидесятых годов, когда во Франции развернулось массовое строительство дешевого многоэтажного жилья (а именно к этому типу и к этому времени относился дом, в котором мы находились), страна испытывала большие экономические трудности. В частности остро не хватало разного рода водопроводных труб. И вот эти хитрые боши подкупили кого-то в продажном Французском правительстве, в результате чего было заключено соглашение, по которому немцы стали в огромных количествах гнать во Францию водопроводные трубы специально меньшего диаметра, чем было нужно. И вот с тех пор во всех таких домах в стоках воды регулярно возникают засоры. Вот так. Думаю, не стоит объяснять, что

возразить на это мне было решительно нечего. Но ничего, в пику этой проклятой немчуре, я немного поработал вантузом, и вода пошла!

Мадам Совэ уже совсем было собралась уходить, когда вдруг вспомнила что-то чрезвычайно важное. Она стала судорожно рыться по карманам, потом побледнела, схватилась за сердце, стала шептать что-то вроде: «Нет! Нет! Не может быть! Я не могла это потерять!». Я подставил ей стул, быстро принес стакан воды и стал лихорадочно соображать, как здесь вызывают скорую помощь. Шутки шутками – с раннего утра пожилая женщина таскала тяжелую мебель, а потом еще эти немцы на каждом шагу...

Тем временем, не обращая никакого внимания на мои неуклюжие попытки ее успокоить (дескать, никакие кредитные карты или паспорта не стоят того, чтобы схватить инфаркт), мадам Совэ стала дрожащими руками выкладывать на стол все, что у нее было в карманах и в сумочке.

- А вот... Вот! - облегченно забормотала она и положила на стол небольшой ярко красный полиэтиленовый пакетик, который обнаружился в ее сумочке в маленьком карманчике рядом с удостоверением личности и двумя кредитными картами.

Из пакетика мадам Совэ извлекла нечто маленькое и почти невесомое, аккуратно завернутое в белую тряпочку. Она бережно развернула сверток, и я увидел еще один крохотный полиэтиленовый пакетик. И вот, наконец, из этого серебристого пакетика мадам Совэ извлекла свою драгоценность. Это была маленькая деревянная щепочка сантиметра четыре длиной и в полсантиметра шириной.

- Вот она! – умиротворенно проговорила мадам Совэ, ласково поглаживая свою находку.

Мне, признаться, стало нехорошо. После всего, что свалилось на меня в этот день, это уже был явный перебор. Не то что бы там что-то с сердцем, или головокружение какое-то – нет-нет – с организмом как раз было все в полном порядке, а вот со всем остальным - не очень. Как-то крайне неуютно и тоскливо. Ну, это как если бы вы, полные радостных надежд, разрезали спелый пахнущий детством арбуз и вдруг обнаружили внутри адресованную вам записку: «Ну, я поехала. Приятного аппетита. Ваша крыша»...

Мадам Совэ, между тем, окончательно пришла в себя, прихватила небольшой тубик клея (который тоже извлекла из своей сумочки) и повела меня из кухни в комнату к большому шкафу (теперь уже единственному, остававшемуся в этой квартире). Щепочка, оказывается, была от него. Далее она намазала свою драгоценную деревяшечку клеем, потом улеглась на пол сбоку от шкафа, просунула руку куда-то далеко в небольшое пространство между стеной и шкафом, где-то там нащупала одной ей известное углубление в задней стенке шкафа и приклеила щепочку на полагающееся ей место...

Я прожил в этой квартире три месяца и все эти три месяца мы с мадам Совэ прекрасно ладили. Мы вообще могли бы остаться друзьями, если бы не одна моя оплошность, из-за которой мы расстались очень нехорошо. Дело в том, что я люблю жечь свечи, и вот одна такая свеча (в алюминиевой чашечке) из-за моей невнимательности выжгла на белом пластиковом покрытии кухонного стола темное коричневое пятно. Я так и не решился сознаться своей квартирной хозяйке в содеянном злодеянии. Деньги мадам Сове не интересовали совершенно. Ее интересовали вещи, и относилась она к ним так же, как мы относимся к детям. Представьте себе, как вы будете относиться к человеку, который изуродовал ребенка. Так вот, в квартире мадам Совэ я *искалечил* ее кухонный стол. Во время ее визитов я прикрывал пятно либо сахарницей, либо тарелкой, а уезжая, поставил на это злосчастное место вазу с цветами. Разумеется, очень скоро мадам Совэ пятно обнаружила, и не исключено, что цветы, поставленные мною прямо на место своего изуродования, она восприняла некий знак особенного, изысканного издевательства. Так или

иначе, но когда я спустя несколько месяцев снова приехал в Париж, мне передали высказывание мадам Совэ по моему адресу. Она сказала, что я извращенный мерзавец. Человек, через которого она это передала, был в явном затруднении, потому что на самом деле мадам Совэ, конечно же, сказала в мой адрес намного больше, но он так и не решился сообщить мне всю правду. Он зря переживал, этот милый человек - правда мне хорошо известна. Все дело в том, что во мне обнаружилось следы немецкой крови...

ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Оказалось, что моего соседа, который помогал мадам Совэ открывать заваленную мебелью квартиру, звали Бубликов. Более того, оказалось, что он не просто русский, а русский из Черногловки, хотя и прибыл во Францию из Южной Африки, где провел перед этим три долгих года. Оказалось, что квартира, которую снимал Бубликов, тоже принадлежит мадам Совэ, и в свое время он тоже вынужден был освободить ее от мебели, часть которой перекочевала в квартиру напротив, окончательно заполнив весь ее объем до потолка. В том, что мы с Бубликовым – оба жители Черногловки – случайно оказались соседями по лестничной площадке в городе Орсе под Парижем, было что-то настолько фантастическое, что за это нужно было немедленно выпить.

Мы обосновались у Бубликова на кухне, где он в это время жарил дешевые полуфабрикатные стеки, которые до этого момента я считал стопроцентным признаком холостяцкой жизни, ибо подобный мясной продукт, на мой взгляд, ни мягкостью, ни цветом, ни вкусом практически не отличается от подошвы армейского сапога. Впервые этот мой критерий дал сбой – Бубликов был не только женат, но и жил со своей семьей – женой и дочкой – в этой квартире. Его жена и дочка пока отсутствовали, и тем самым создавались все условия, чтобы немедленно выпить, тем более что в моей сумке среди бумаг с формулами случайно обнаружилась бутылочка «Бордо». И тут возникло первое (но не последнее) осложнение наших с ним отношений, потому что, по мнению Бубликова, пить эту, как он выразился, французскую кислятину, совершенно невозможно. Он полагал, что напиток может называться вином только в том случае, если он имеет южно-африканское происхождение, и взялся, не сходя с места, мне это доказать, достав бутылку с какой-то совершенно экзотичной этикеткой. Я не стал упрямяться, и мы немедленно выпили. Потом мы выпили еще, потом – еще, и я услышал во всех подробностях его печальную историю.

Как говорила Мышь в «Алисе в Стране чудес», *mine is a long and sad tale...* В действительности вся история помещается в один абзац. Когда в начале 90-х в России все рухнуло, Бубликов – только начавший работать молодой специалист – как и очень многие тогда, остался без работы, без денег и без жилья. Все тогда бросились в рассыпную, и кто оказался в Америке, кто – в Австралии, кто – во Франции, а вот Бубликова занесло аж Южную Африку. Контракт на три года – в общем, не так уж плохо, вполне можно было жить, пока не рухнула система апартеида... Все три года Бубликов рассылал веером по всему свету свою анкету, пытаясь найти новое место работы, и все три года собирал деньги на авиабилеты (для себя и семьи), чтобы иметь возможность до места этой новой работы долететь. Удалось зацепиться здесь, в Орсе – контракт на год, в общем, не так уж плохо... Теперь он снова рассылает веером свою анкету и собирает деньги на авиабилеты...

После Южной Африки Бубликов стал законченным расистом:

- Они даже пахнут по-другому... И то, что лифты были отдельно для белых и для черных – это правильно! Почему я должен его нюхать?... А президент Фредерик де Клерк (тот самый, что отменил апартеид) – предатель, хуже Горбачева!

В общем, самые светлые воспоминания о Черном континенте оставили у Бубликова местные вина. Теперь вот, поскольку французскую кислятину пить он совершенно не может, перебивается тем, что передают при случае его друзья, оставшиеся там...

Бубликов совсем было загрузил, но тут появилось второе, значительно более серьезное осложнение наших с ним отношений. А именно, пришла его жена Ангелина. Я предложил ей присоединиться к нам и тоже немедленно выпить, но, в отличие от Бубликова, который от этого занятия уже здорово порозовел, Ангелина, от одного моего предложения заметно побледнела и сказала, что вина она не пьет, потому что от любого спиртного ее мутит. Возникла неловкая пауза, которую, по моему мнению, должен был

заполнить Бубликов, предложив даме хотя бы сесть с нами за стол. Поскольку он этого не сделал, а я к этому времени благодаря прекрасному южно-африканскому вину избавился от тормозов, мешающих общению, то присоединиться к нашему скромному пиршеству предложил я сам. По лицу Бубликова я сразу же понял, что сморозил очередную бестактность. Оказалось, что Ангелина не только не ест ничего мясного, но даже вида мясных продуктов не выносит.

От Ангелины я узнал вторую половину их семейной сказки странствий (для этого пришлось уйти из кухни в салон, где меньше пахло мясными стеками). Оказалось, что она тоже была жительницей Черноголовки, и у нее был муж, татарин из Казани и дочка, которую муж назвал татарским именем Лutfия. Примерно в то самое время, когда развалился Советский Союз и прекратилась дружба населявших его народов, рухнула и семейная жизнь Ангелины. По ее словам, злой татарин просто выставил ее из квартиры вместе с дочкой на улицу. Ну и в результате, по словам Ангелины, ей ничего не оставалось, как отправиться в длинное путешествие через множество стран и континентов в Южную Африку догонять Бубликова. Такая вот романтическая история. Кстати, Ангелина всегда называла своего нынешнего мужа исключительно по фамилии, как будто личного имени у него не существовало. Не знаю почему, но эта странная манера (возможно благодаря звучности самой фамилии) прилипла и ко мне, и к множеству наших общих знакомых, в результате чего его личное имя в моей памяти попросту не сохранилось.

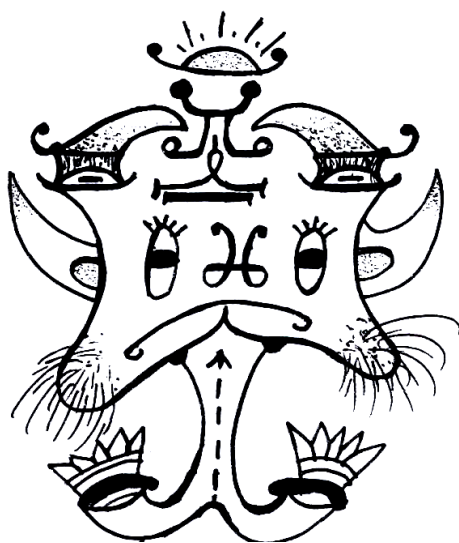
Всякий раз, когда кто-нибудь из друзей передавал Бубликову бутылочку вина из Южной Африки, он приглашал меня к себе на кухню, жарил свои холостяцкие стеки, и мы продолжали общение. При этом я продолжал делать все новые и новые открытия. Оказалось, что от молочных продуктов Ангелину тошнит, все рыбные и морские продукты ее организм отторгает, а фрукты она не переваривает. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что начинаю понимать того злого татарина...

Ситуация складывалась совершенно шизофреническая. Мы жили дверь в дверь. Сосед (Бубликов) целыми днями пропадает на работе. Жена соседа (Ангелина) скучает. О чем должен думать одинокий мужчина, живущий по соседству? – Вот и не угадали – одинокий мужчина думал, думал и никак не мог уразуметь, *что же она все-таки ест?*... Мне кажется меньше всего проблем было у их одиннадцатилетней девочки по имени Лutfия. Каждый раз, когда мы встречались, она пыталась добиться от меня (как французского аборигена) внятного ответа всего на один, мучающий ее вопрос. Ее все время убеждали, что Франция – это культурная высокоразвитая страна. Так почему же тогда во Франции никто не знает и не говорит на языке *африканос?*

...Прошел год, и я снова приехал в Париж. Жил я уже совсем в другом месте (скрываясь от мести мадам Совэ), но Бубликовы были все там же, и поэтому, по старой памяти, я приехал к ним в гости. И обнаружил совершенно радикальные перемены буквально во всем (кроме, разумеется, пищевого рациона Ангелины, который так и остался для меня тайной). Во-первых с Бубликовым в *Эколь Политекник*, где он работал, подписали долгосрочный контракт, поэтому ни в какой Сингапур и Австралию он больше ехать не собирался. Во-вторых, Бубликов признал французское вино, и как человек научного склада ума, решил его тщательно изучить. Изучения французского вина происходили по субботам (и я был приглашен именно в субботу). Сама процедура изучения имела место уже не в кухне, а в салоне, и не с резиновыми стеками, а с нормальным мясом, поскольку Бубликов теперь получал приличную зарплату и больше не собирал деньги на авиаперелет в Сингапур. На стене висела подробная *винная карта* Франции, где были обозначены все главные винные районы, долины и даже отдельные горные склоны. Как человек обстоятельный, Бубликов решил изучить всю эту карту полностью квадрат за квадратом. Он систематически, суббота за субботой, шел по карте слева направо и сверху вниз. Перед каждой субботой он шел в библиотеку и изучал

соответствующую литературу. Потом он шел в специализированный (для знатоков!) винный магазин и брал надлежащую бутылочку, того самого склона и того самого года, который надлежало изучить. Работа была кропотливая, и в некоторых долинах он задерживался по нескольку месяцев. Деликатный момент, однако, состоял в том, что научный подход научным подходом, но «ведь я же, Зин, не пью один» - Бубликову была нужна компания, а Ангелина по-прежнему не выносила ни запаха мяса, ни вида фужера с вином, уходила в другую комнату, открывала форточки... Ну и компания, естественно, быстро нашлась в виде петербургской аспирантки Сонечки, которая, вообще-то, приехала в *Эколь Политекник* изучать что-то другое, но увлекающийся человек Бубликов быстро убедил ее, что лишние знания никогда не помешают...

Увы, в итоге Бубликов так и не смог осилить всю карту Франции. Где-то на полпути между Божоле и Савойей все закончилось тяжелым разводом и серьезными проблемами с печенью. Что поделаешь? – наука требует жертв...

ПОСВЯЩЕНИЕ

Теперь я понимаю, что все это на самом деле началось у меня очень и очень давно... Я тогда жил в Черноголовке в аспирантском общежитии – массивном похожем на крепость красном здании, которое местные жители называли «Бастилией». Я как раз собирался поступать в аспирантуру, и для этого, кроме всего прочего, требовалось сдать экзамен по научному коммунизму. Да-да, без научного коммунизма не могло быть никакой теоретической физики. Но экзамен – это еще полбеды. Для того, чтобы быть *допущенным* к экзамену, требовалось написать и сдать реферат на какую-то там крайне актуальную тему - что-то про базис, надстройку и движущие силы. И был последний срок сдачи реферата, про который я, конечно, знал, но думать о нем не хотел, потому что про базис и надстройку я не то что написать, а двух слов сказать не мог. А когда однажды утром я о нем, наконец, подумал, то на все про все у меня оставалось только три дня.

Что бы там ни говорили, но научный коммунизм не был всемогущим. По крайней мере, у нас на физтехе существовала мощная студенческая взаимовыручка, позволявшая бороться с научным коммунизмом даже в, казалось, самых безнадежных ситуациях. Проявлялась она, в частности, в том, что если кто-то когда-то умудрялся сварганить научно-коммунистический реферат о чем бы то ни было, то потом этот раритет бережно хранился, передавался из рук в руки, и им пользовались многие поколения физтехов.

Мой отчаянный вопль о помощи был услышан, и уже к вечеру я держал в руках некий машинописный текст, на титульном листе которого было написано «реферат по научному коммунизму», ниже стояла фамилия и инициалы, разумеется, не автора, а того человека, который последний раз этим текстом пользовался, и затем – название, перевести которое на человеческий язык я не в состоянии. В названии не было ни малейшего намека, ни на базис, ни на надстройку, ни, тем более, на движущие силы. Но это было совершенно не важно. Аккуратно, чтобы не повредить драгоценную рукопись, я снял титульный лист и вместо него изготовил новый, на котором стояла моя фамилия и новое название, содержащее и базис, и надстройку, и даже движущие силы. И все прошло бы совершенно гладко, если бы не мое крайнее легкомыслие.

Элементарные правила техники безопасности по борьбе с научным коммунизмом требовали, чтобы новый автор переписал текст реферата снова, по возможности вкрапывая в него те слова, из которых образовано название. Я же не только этого не сделал, но я даже не заглянул в текст!

На следующее утро, очень довольный собой я отвез этот так легко созданный мной шедевр на кафедру научного коммунизма, которая в те времена располагалась на «Кропоткинской» недалеко от бассейна имени Храма Христа Спасителя. Ввиду того, что сроки сильно поджимали, решение по поводу моего допуска (или не допуска) к экзамену ожидалось в тот же день ближе к вечеру. Однако, когда к концу дня я пришел узнать свой вердикт, меня неожиданно пригласили пройти куда-то внутрь, и там ко мне подошел седовласый старик, который держал в руках мой реферат. Сказать, что старик был в бешенстве – это значит ничего не сказать. По его лицу было понятно, что будь на дворе сейчас тридцатые годы, он бы немедленно отвез меня на Лубянку и там собственноручно пристрелил. А сейчас (видимо, чтобы не портить отчетность) ему даже не дали меня вытурить к чертовой матери. Короче, пыхтя как паровоз на крутом подъеме, он вручил мне три страницы (!), заполненные его возмущениями, требованиями и даже издевательствами по моему адресу, отдал обратно мой шедевр (весь исполосованный красными чернилами) и прошипел, что если завтра к 16.00 я не принесу новый реферат, то об экзамене и об аспирантуре я могу забыть навсегда!

Пока я ехал обратно в Черноголовку, у меня было достаточно времени, чтобы прочитать тот текст, которой я пытался выдать за свой реферат и осознать всю глубину

своего падения. Оказалось, что это был даже не текст, а полная... как бы это выразиться помягче... ахинея. Какой-то хаотичный набор никак не связанных между собой фраз, часть которых даже чисто грамматически были абсурдны (например, не имевшие сказуемого, или подлежащего). В общем, было понятно, как это произошло. Из поколения в поколение физтехи вносили в некий исходный научно-коммунистический тест (теперь уже безвозвратно утраченный) свою правку, каждый раз пытаясь приспособить его содержимое к новому названию. Между прочим, судя по тому до какого состояния дошел этот «реферат», его не особенно прочитывали как «сочинители», так и научно-коммунистические «ценители», для которых это все якобы предназначалось. Мне просто не повезло: я имел несчастье нарваться на человека, который не просто его прочитал, а прочитал *внимательно*. Ну и совершенно естественно, ему захотелось меня прибить, потому что иначе как издевательством, то что я пытался всучить на кафедру научного коммунизма Академии Наук СССР, назвать нельзя.

Ну ладно - это все эмоции, а мне нужно было спасти ситуацию – шутки шутками, но я результате я вполне мог остаться без аспирантуры. На следующее утро я взял толстый учебник по научному коммунизму и выписал оттуда довольно много фраз, которые содержали не только базис, надстройку и движущие силы, но и, возможно, могли ответить на те многочисленные требования, которые старый научный коммунист высказал на своих трех страницах. Чтобы довести объем сочинения до минимально приличного, я взял ножницы и вырезал из прежнего (уже все равно загубленного) текста еще несколько фраз, которые, по крайней мере, были грамматически правильными. Ну наконец, чтобы вся эта белиберда (я имею ввиду выписанные и вырезанные мною фразы) хоть как-то между собой состыковывалась, я сочинил еще несколько переходных фраз *самостоятельно*. После этого, я все склеил в одну кучу и побежал к знакомой машинистке, которая за деньги быстро и без ошибок бралась перепечатать любой текст.

В 15.45 я стоял перед профессором Козыревым (так звали сердитого старика) на кафедре научного коммунизма и трепетно держал в руках свой новый шедевр. Было похоже, что маститый ученый коммунистических наук больше не собирался меня убивать, а хотел лишь примерно проучить. Он отказался *брать на рассмотрение* мой новый реферат. Он сказал, что для того, чтобы его *анализировать*, ему нужны те замечания, которые он записал на трех страницах, и которые он мне отдал прошлый раз. Еще он сказал, что завтра в 10.00 начинается заседание кафедры, на котором будут приниматься персональные решения о допуске к экзамену, и если к этому времени я не сдам ему свой реферат вместе с его, Козырева, замечаниями, то я могу быть свободен.

Как сказал бы Штирлиц: «*А вот это - провал...*». Я хорошо помнил, как сидя за столом в своей комнате в общежитии, на радостях, что дело сделано, я скомкал эти три листа и вышвырнул их в мусорную корзину. Я ехал обратно в Черноголовку и живо представлял себе, как примерно в это самое время по комнатам ходит уборщица, протирает пол и *освобождает* мусорные корзины. Она это делает не ежедневно, а раз в два-три дня, поэтому у меня еще есть шанс... У меня еще есть шанс!... Если бы это было кино, то в этот момент должна была бы послышаться тревожная музыка, и где-то там за кадром начали бы тикать часы...

Я вбежал в свою комнату и бросился к мусорной корзине. Сердце мое упало: *корзина была пуста...* И опять в голове послышался загробный голос Тихонова: «*А вот это – провал...*». Спокойно, - сказал я себе, - спокойно! До десяти утра еще есть масса времени...

Я, не торопясь (да-да, именно не торопясь!), спустился вниз на первый этаж, и, сохраняя на лице предельное спокойствие (как у египетского сфинкса), подошел в вахтерше Эльвире Прасковьевне. Далее, выдерживая исключительное спокойствие в интонациях, я попытался завести с ней светскую беседу:

- Добрый вечер, Эльвира Прасковьевна! Вы знаете, давно хотел у вас спросить, куда это выбрасывает мусор наша уборщица, когда убирается на этажах?...

Вместо ответа Эльвира Прасковьевна стала очень пристально и с большим подозрением меня рассматривать. Она явно ждала от меня какой-то каверзы. Тут я должен немного отвлечься, чтобы дать небольшое пояснение. Дело в том, что с некоторых пор я был у Эльвиры Прасковьевны на нехорошем счету. То есть сначала я был у нее на очень хорошем счету, потому что я был тихий и прилежный мальчик: не пил, не курил, на водил по ночам девочек, а вместо этого все время что-то читал, писал, ходил в библиотеку, и вообще, занимался не чем-нибудь, а те-о-ре-ти-чес-кой физикой. Но потом в наших с ней отношениях приключился серьезный инцидент. Эльвира Прасковьевна Фрейда не читала и, видимо не догадывалась, что если человек не увлекается девушками, то, скорее всего, он увлекается чем-нибудь еще. И если раскопать вот это «что-нибудь», то, скорее всего, выяснится, что лучше бы он увлекался девушками... Впрочем, безо всякого Фрейда, народная мудрость выразила это кратко и емко: «В тихом омуте черти водятся».

Да, у меня было одно тайное увлечение, о котором мало кто знал... Я с самого раннего детства любил иногда (не часто, а именно иногда), что-нибудь взорвать. Ну там бомбочку какую соорудить, ракету запустить... Что я с этим своим хобби творил в детстве – про то нужно писать отдельный триллер, скажу лишь, что Бог был милостив, потому что я ни себя, ни окружающих, ни разу не покалечил, хотя мог бы, еще как мог бы! С возрастом это стало постепенно проходить, но изредка еще бывали рецидивы. Последний случился месяца за два до описываемых событий. Я как раз заканчивал писать диплом (как сейчас помню, про гидродинамику топологических образований в сверхтекучем гелии-3) ну и естественно решил как-то заглянуть в детский мир. Я увидел там этот большущий управляемый танк и погиб... Он был как настоящий, такой элегантный! А то, что за ним тянулся провод к пульта управления (в те времена про радиоуправляемые игрушки никто и не помышлял), его совсем не портило – скорее наводило на размышления... Вот ему бы вместо этого пластмассового дула, да настоящую пушку установить, - подумал я, - а на пульт поставить еще одну кнопочку, вот тогда бы мы повоевали...

У меня был сосед по комнате в общежитии – имени его я называть не буду, потому что сейчас он человек весьма известный. Он был постарше меня и как раз заканчивал возиться с кандидатской – наверное поэтому мне и удалось увлечь его своей идеей. Короче, мы поехали в детский мир и купили каждый по танку.

Я не стану здесь раскрывать всех своих технологических секретов, *как* мы все это сделали - не приведи Господь, кто-нибудь из нынешних молодых надумает повторить (они, молодые, сообразительны, да и материалов сейчас пруд пруди – это мы тогда должны были извести несколько десятков спичечных коробков, чтобы набрать достаточно серы). Скажу лишь, что после двухнедельной захватывающей работы на корпусе каждого танка было установлено по пять пушек калибра 5 мм, сделанных из медных трубок, и каждая пушка приводилась в действие отдельным тумблером, установленном на пульте управления. Добавлю еще, что на испытаниях наши пушки с легкостью пробивали насквозь толстый учебник по диалектическому материализму, так что «игрушка» у нас получилась еще та... В ходе предполагаемого боя каждая пушка могла выстрелить лишь один раз (перезаряжать ее нужно было бы потом долго и нудно), учитывая же убойную силу нашего вооружения, повторное сражение едва ли могло состояться. «Гарантированное взаимное уничтожение» - как любили тогда говорить военные и политики...

В заранее оговоренный день танковая дуэль состоялась! Мы стояли на кроватях, а танки ползали по полу. Первым же выстрелом я перебил противнику гусеницу, однако он, имея возможность поворачиваться на месте, прицелился, и, выстрелив залпом сразу из двух орудий, снес мне полбашни вместе с одной из пушек...

..После того, как дым стал рассеиваться, мы, наконец, смогли увидеть масштабы потерь и подвести итог. Разумеется, это была боевая ничья – оба танка были разрушены полностью и восстановлению не подлежали. Однако, когда дым немного рассеялся, мы обнаружили, что картиной поля боя мы любуемся не в одиночестве. В дверном проеме стояла вахтерша Элеонора Прасковьевна. Она совершенно случайно в это время оказалась на этаже и прибежала сюда, привлеченная звуками стрельбы и нашими дикими криками (а вы думаете что, во время боя солдаты молчат?) Элеонора Прасковьевна стояла в полном оцепенении, хотя и явно пыталась что-то сказать, потому что рот у нее, то открывался, то закрывался, то открывался, то закрывался... Зато глаза были выпучены до пределов, отпущенных природой, и не мигали совсем...

Так вот, надеюсь теперь понятно, почему на мою невинную попытку завести светскую беседу, Элеонора Прасковьевна отреагировала несколько скованно и нервно. Перебрав в уме все возможные варианты подвохов и, видимо, так и не сумев меня раскусить, она с осторожностью ответила:

- Куда выбрасывает, куда выбрасывает... В мусоропровод, куда ж ей еще выбрасывать?...

Я сразу же приободрился: во всяком случае, за пределы этого здания драгоценные листики еще никуда не ушли, значит еще не все потеряно. Далее я стал заливаться соловьем, про то, что по ошибке, случайно из-за забывчивости и нервности характера, я положил свою дипломную работу не в ящик стола, а в мусорную корзину, и теперь очень хочу забраться в мусоропровод... Элеонора Прасковьевна, видимо окончательно решила, что имеет дело со скорбным духом, и смягчилась.

- Да как же я тебе его открою, золотой ты мой? - сказала она с явным сочувствием. – У меня и ключа-то нету. Мусоропроводом ведают коммунальные службы. Завтра часиков в шесть придет помоечная машина, вот они и откроют. А так, в мусоропровод никому ходу нет! Строго-настрога!...

С половины шестого утра я стоял у дверей мусоропровода, как часовой у мавзолея. Подводя итог всему тому, что я передумал и переговорил сам с собой за те сорок минут, пока поджидал помоечную машину, могу сказать лишь, что любви к научному коммунизму то утро мне не добавило. Мусорщикам, которые приехали вычищать мусоропровод, я наплел что-то про письмо моей давно умершей бабушки – последняя о ней память... (Ну не рассказывать же им про научный коммунизм в самом деле). Симпатичные мужики с добродушными свекольными лицами открыли заветную дверь и великодушно вручили мне вилы: «На, копай, а мы покурим покеда...».

Никогда не думал, что могу так обрадоваться помойке. Передо мной открылась приличных размеров вонючая гора (почти с меня высотой), где было собрано все, что успели нагадить студенты, аспиранты, научные работники, их жены, дети, друзья и гости за сутки. Нагадили, прямо скажем, немало – десять этажей, шутка ли?... И вот пока я увлеченно, но очень осторожно разгребал всю эту кучу (важно было не только найти листики, но и не повредить их), где-то «за кадром» явственно послышалась мелодия «Собачьего вальса». Думаю именно в то утро, там, на помойке, и происходило мое посвящение в придурки.

Я нашел эти драгоценные листики. Мой, так сказать, «пропуск в аспирантуру» лежал в обнимку с картофельной кожурой, рыбными очистками и еще какой-то гадостью, природу которой я не понял. То, что бумага была мятая и вся в пятнах, было не самое страшное. Хуже всего был запах...

Чтобы успеть к десяти на «Кропоткинскую», нужно было выезжать не позднее половины восьмого. И вот, все оставшееся время я провел с утюгом разглаживая треклятые три листа бумаги и изредка побрызгивая на них хвойным дезодорантом.

Перед самым выездом я решил провести «независимую экспертизу»: растолкал своего соседа и сунул ему под нос реставрированную научно-коммунистическую рецензию.

- Скажи, это чем-нибудь пахнет? Только честно!

- Как будто в хвойном лесу кто-то наблевал, - буркнул мой неделикатный сосед и повернулся на другой бок...

Без пяти минут десять, я вручил профессору Козыреву свой реферат и деликатно спрятанные под ним три листа его замечаний. Заслуженный деятель научно-коммунистических наук был вполне удовлетворен проведенной экзекуцией (о масштабах которой он, к счастью, даже не подозревал). Будучи в хорошем расположении духа, даже не полистав реферат и не посмотрев длинный список своих замечаний, он великодушно допустил меня к экзамену. Самое главное, конечно, было не то, что он ничего не стал читать – самое главное, что он ничего не стал нюхать!

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

*Вот кто мне нравятся во Франции,
так это полицейские.*

Автор

1

У меня в машине было трое детишек, я ехал тихо, спокойно, никого не трогал, ничего не нарушал, но, тем не менее, меня остановил дорожный патруль. Сейчас все боятся террористов, поэтому патруль был экипирован по полной программе – все в бронезилетах, с автоматами, с наручниками, с дубинками и прочими чудесами полицейской техники. Очень серьезные ребята – шесть человек, которыми командовала симпатичная стройная (даже в бронезилете) мадам. Четверо, взяв автоматы на изготовку, стали по углам машины, один начал ее тщательно осматривать со всех сторон, а мадам стала проверять мои документы. Документы, как ни странно, у меня оказались в полном порядке, но мадам все равно была чем-то очень недовольна. Пристально глядя мне в глаза, полным укоризны голосом она вдруг спросила:

- Скажите, вы любите своих детей?

- Очень! – ответил я.

- Тогда почему они у вас не пристегнуты?

- Ну что вы, мадам, - теперь уже мой голос был полон укоризны, - как вы могли такое предположить? Когда я езжу, мои дети всегда пристегнуты!

Мадам внимательно осмотрела притихших на заднем сиденье детей, а затем с искренним раскаянием сказала:

- Извините, пожалуйста! Я не увидела... Я вас остановила потому, что мне показалось, что у вас не пристегнуты дети...

В этот момент нам самое время было бы расстаться, но тут, к несчастью, к мадам подошел тот поганец, который осматривал машину, и что-то ей сообщил, показывая пальцем на правый угол лобового стекла. Я, разумеется, догадался, на что он показывал, и прекрасно понял, что он там ей настучал...

- У вас просрочен техосмотр, - с явным сожалением сказала мадам.

- Да, - тихо пробормотал я, - я знаю...

- У вас не просто просрочен техосмотр, - добавила она, - он у вас просрочен больше чем на три месяца!

- Да, - промямлил я полным трагизма голосом, - я знаю...

- В этой ситуации, по закону, я обязана высадить вас из машины и отобрать права!

И тут я почувствовал, что вот это вот «по закону» неуловимым образом вносит некоторый элемент сослагательности в ее заявление.

- Я понимаю, - проговорил я обреченно, - да, конечно... Но вы войдите в мое положение... Понимаете, у меня просто не денег... Тем более, что в этой машине столько нужно чинить! Она вообще едва ездит...

- Но вы войдите в мое положение, - сказала она извиняющимся тоном, - по закону я обязана высадить вас из машины...

- Я вас понимаю! Я вас очень хорошо понимаю! – преданно глядя ей в глаза, с чувством сказал я. – Но я исправлюсь, честное слово! Я больше не буду! То есть, наоборот... Я сегодня же поеду и пройду техосмотр, чего бы мне это ни стоило...

- Но у вас же нет денег!

- А я займу! Вот прямо сейчас поеду к другу, займу денег и поеду проходить техосмотр.

- Ну, смотрите! – сказала она строго и подняла вверх указательный палец. – Вы мне дали слово!

Потом она улыбнулась, пожелала счастливого техосмотра, автоматчики расступились и мы уехали.

Ну и спрашивается, разве я мог теперь обмануть эту милую женщину? Если бы она строго следовала букве закона, она бы устроила мне кучу неприятностей, только и всего - ну и кому от этого был бы какой-то прок? А так она добилась именно того, чего и должна добиваться полиция – моей законопослушности (ну хотя бы на некоторое время). Потому что я действительно сразу же поехал проходить техосмотр.

Надо сказать, что хотя я ехал в пункт техосмотра весьма гордый собой, ибо я держал данное даме слово, однако в остальной ситуации была весьма и весьма кислой. Я нисколько не преувеличил, когда сказал, что машина едва ездит, ну а про деньги лучше вообще не вспоминать... Сам техосмотр стоит не дорого – дорого будет стоить то, что потребуются чинить.

Пунктом техосмотра возле моего дома заведовал старенький седовласый румын. Когда я заехал к нему в гараж, и из машины высыпала моя веселая шумная детвора, он аж просиял.

- Ну, наконец-то! – радостно закричал он, и раскинул руки, как будто собирался заключить меня в объятия. – Наконец-то я вижу много настоящих французских детей! А то все арабы, да арабы – все-таки мы, французы, тоже еще кое-что можем! А какие они у вас славненькие!

Ну да, ну да... Он – румын, я – русский, в общем, все мы – французы... Мы разговорились, дети занялись изучением содержимого гаража, и состояние моего автомобиля как-то само собой отодвинулось на задний план. Старик был так счастлив, что, казалось, готов был простить ему все его пороки. Однако, осмотр есть осмотр, и как ни радостно было наблюдать, за моими детьми, которые в меру своих сил стали наводить порядок в гараже, старик стал быстро проводить полагающиеся при техосмотре тесты. Иногда его брови лезли на лоб (я при этом замирал), иногда он бормотал что-то вроде «ну и ну!», но всякий раз это завершалось широким жестом «да ладно, черт с ним...», и он переходил к следующему пункту. Казалось еще немного, еще чуть-чуть... Но когда подъемник поднял машину к потолку, и старик осмотрел ее днище, на лице у него появилась полная растерянность, и он беспомощно развел руками:

- Но как же?... Как же я могу *это* пропустить?...

Я подошел, и он молча показал мне на выхлопную трубу. На ней зияла такая дыра, что было непонятно, как вообще эта труба еще не развалилась на две части.

- То-то я слышу, звук какой-то странный... – только и смог сказать я.

- А-а-а, дерьмо! – в полном расстройстве ругнулся старик, опустил машину на землю и пошел к компьютеру заполнять бланк результатов техосмотра.

- Дерьмо, дерьмо, дерьмо... – продолжал бормотать он, так что казалось, что именно этот текст он и набирает на компьютере.

- Но ведь вы же не виноваты, что они производят такое дерьмо, правда? Послушайте, я поставлю вам техосмотр, - решительно заявил он, - но имейте в виду, не позднее чем через две недели ваша выхлопная труба отвалится!

Он немного ошибся, этот добрый старик - она продержалась целых три недели, но это уже совсем другая история...

Как всегда, у меня в машине было трое детишек, я ехал тихо, спокойно, никого не трогал, ничего не нарушал, но, тем не менее, меня остановил дорожный патруль. На этот раз их было только двое, и они были без бронежилетов и автоматов. Но зато по их лицам было видно, что они очень и очень строгие, это двое молодых полицейских. Документы и техосмотр у меня были в полном порядке, более того, у машины была новенькая выхлопная труба – очень жаль, что всю ее не видно снаружи, потому что это было, пожалуй, единственное, что находилось в полной исправности в этом автомобиле.

- Почему вы едете с включенными противотуманными фарами? – строго спросил меня полицейский.

- Понимаете, - замялся я, - начинает смеркаться, а обычные фары у меня не работают...

-?! – полицейский просто потерял дар речи.

- Нет-нет, не совсем так, - постарался я исправить положение. – Они, конечно, работают, но как-то странно... Одна светит совсем слабо, а другая – наоборот слишком сильно, и при этом она светит куда-то в бок и немного вверх. Встречных водителей это сильно раздражает...

- А вам известно, что с неисправными фарами ездить запрещено! – еще более строго сказал полицейский. – Вам достаточно поменять лампочки!

- К сожалению, не достаточно... – смиренно возразил я. В моих разъяснениях явно появилась тональность «выпускника калинарного техникума», но полицейский, к счастью с творчеством Хазанова знаком не был. – Я их уже менял, тут дело сложнее... Понимаете, в этой машине есть такая коробочка, в которой сходятся все-все провода от всех ее электроприборов. Так вот, она частично расплавилась, поэтому какие-то контакты оборвались, какие-то – закоротило... В результате, временами, машина ведет себя довольно странно: например, бывает, ни с того ни с сего включает дворники, а иногда, сколько я ее ни прошу, не включает их вовсе, а чтобы включить аварийные мигалки, обязательно нужно сначала включить левый поворот, а иначе – никак, ну и так далее...

- Ну, так нужно просто поменять эту хреновину, и все дела! – сказал полицейский, уже, скорее, не строго, а сочувственно.

Наш диалог постепенно стал приобретать характер беседы двух автомобилистов.

- Нет, к сожалению, ситуация еще сложнее... – печально сказал я. – Я ее уже менял – новая тоже расплавилась. Первопричина всех бед спрятана где-то значительно глубже...

- Ты на колеса его посмотри! – неделикатно вмешался в наш мирный диалог, подошедший после наружного осмотра машины второй полицейский.

Да, это правда, тут не возразишь - передние колеса у моей машины были лысые как бильярдные шары. Но зачем же он так прямо по большому-то...

- Послушайте, - снова очень строго сказал первый полицейский, - вот этого я допустить уже не могу! Это уж слишком! Колеса нужно поменять. На таких колесах, как бы тихо вы ни ехали, ездить просто опасно – у вас в машине дети! Сегодня же – слышите? – сегодня же вы должны поменять передние колеса вашей машины!

- Счастливого пути! – сказал он мне на прощанье. – Только езжайте очень осторожно. А когда отвезете детей домой, сразу же менять колеса!...

Кроме всегдашнего отсутствия денег, у меня была еще одна особая причина, которая удерживала меня от смены колес у этого автомобиля. Дело в том, что много лет назад у нас была другая машина, старый-старый Ситроен ХМ. Он тоже все время ломался, я его тоже все время чинил, но все-таки, худо-бедно, мы с ним довольно долго держались. Но как только я ему поставил новые колеса (тоже, кстати, из-за настоятельных требований полицейских), как он тут же умер. Умер окончательно и бесповоротно – у него сломалось сразу все. С тех пор у меня возникло подозрение, что новые колеса для

умирающей машины – это как белые тапочки для покойника. Наденешь на нее новые колеса, и все – она только этого и ждет, чтобы, лечь в гроб. В общем, я обманул того симпатичного доверчивого полицейского, и колеса менять не стал.

Прошло недели две, и вот опять, как всегда, у меня в машине было трое детишек, я ехал тихо, спокойно, никого не трогал, ничего не нарушал, но, тем не менее, меня снова остановил дорожный патруль. Этим тоже было только двое – один старый – он был страшно усталый и злой как черт, а вторая – средних лет мадам, тоже изрядно вымотанная, однако она изо всех сил старалась быть доброжелательной и даже пыталась улыбаться. В этот день, действительно, на дорогах был полный дурдом – бастовал общественный транспорт (вот кого я ненавижу во Франции, так это профсоюзных деятелей!), со всеми вытекающими последствиями. На светофоре стояли в ряд пять или шесть машин, и этот полицейский, с расстояния метров пятьдесят, сначала решительно ткнул в моем направлении пальцем (в белой перчатке), а затем, не менее решительно, этим пальцем поманил меня к себе.

- На таких колесах ездить нельзя! – раздраженно бросил он и передал меня в распоряжение мадам, а сам стал высматривать других нарушителей.

Сначала мадам, как положено, полностью выполнила обычный ритуал проверки – посмотрела права, документы на машину, страховку, техосмотр, провела со всех сторон наружный осмотр, а затем, обратившись ко мне, повторила ту же самую фразу:

- На таких колесах ездить нельзя!

Я в ответ опять завел свой обычный печальный рассказ обо всех болячках этой машины, и даже рискнул высказать соображение, нужно ли вообще менять колеса у этого аппарата, который, судя по всему, вот-вот помрет. Мадам некоторое время терпеливо меня слушала, а потом устало сказала:

- Вот вы сейчас тихонько и осторожно поедете дальше, а затем в этом дорожном бедламе не по вашей вине в вас кто-нибудь въедет. Мы придем и составим протокол, в котором обязательно укажем, что у вас – лысые колеса. В результате, это вам будет стоить кучу денег, потому что при наличии у участника аварии лысых колес, никакая страховка ущерб покрывать не станет – платить будете вы.

Она подумала немного и добавила:

- По-хорошему, конечно, вас надо бы штрафануть на всю катушку, но мне кажется, будет еще лучше, если вы сейчас отвезете своих детей домой, а затем поедете и поменяете у машины колеса. Ну, или отвезете эту рухлядь на свалку – это будет еще дешевле.

Тут подошел старый полицейский:

- Ну что?

- Месье едет менять колеса, - заявила его подчиненная.

- Спасибо вам, - искренне сказал я, а затем не удержался и, обращаясь к старому полицейскому, спросил, - скажите, а что эти лысые колеса заметны даже с пятидесяти метров?

Полицейский уставился на меня долгим, тяжелым взглядом, а затем тихо произнес:

- Месье ищет осложнений на свою голову?...

- Нет-нет-нет! – перепугано залопотал я. – Что вы, что вы... Я еду менять колеса!

На этот раз я сдержал свое слово и в тот же день поставил новые колеса. А через месяц машина умерла. В ней сломалось сразу все. Ее труп в новеньких «белых тапочках» до сих пор стоит на улице, потому что на автомобильной свалке мне сказали, что денег с меня не возьмут только в том случае, если я свое авто доставлю им сам...

Я ехал на стареньком «Гольфе» забирать из школы своих детей. Мне его подарил мой друг. Для него оказалось невыносимым то, что я каждый день вожу детей в школу общественным транспортом с двумя пересадками. Поэтому, когда он собрался покупать себе новую машину, старую, вместо того, чтобы продать, он подарил мне. И еще сказал, что я, дескать, избавил его от массы хлопот. Помнится, у меня тогда даже мелькнула мысль, что может, как человек, я все-таки тоже ничего, если у меня есть такие друзья...

Так вот, этот «Гольф» был еще старше нашего прежнего «Рено», душа которого уже давно пребывала в автомобильном раю, а его не похороненное тело в новеньких «белых тапочках» продолжало ржаветь на улице. Однако, у «Гольфа» было одно мощное достоинство – он ездил. Нет, конечно, он тоже понемножку ломался – возраст есть возраст – но пока все это были мелкие, легко устранимые поломки. Помнится, в один очень неподходящий момент у него отвалилась ручка переключения скоростей, но, тем не менее, он все-таки мог ехать, правда, только на первой скорости и только вперед. Впрочем, сейчас я хочу рассказать совсем другую историю...

На этот раз у него сломался замок на водительской дверце – ключ по-прежнему можно было вставить, и прокручивать его можно было совершенно свободно в обе стороны, но только при этом он больше ничего не открывал и не запирает. А у этой дверцы было одно очень важное свойство – «пипку», которая ее запирает, можно было нажать, только если дверь закрыта, то есть, только изнутри машины – при открытой дверце пипка не утапливалась. Это сделано в расчете именно на таких склеротиков, как я, чтобы случайно не запереть машину, забыв ключ внутри. Так вот, после того как сломался замок, для того, чтобы запирает машину, я придумал такой способ: сначала закрываю водительскую дверцу, затем открываю заднюю дверцу и через нее утапливаю «пипку» водительской дверцы, затем утапливаю «пипку» задней дверцы (это можно сделать, даже когда она открыта), захлопываю ее, и все – машина заперта. А открыть машину можно через правую переднюю дверцу – на ней замок пока еще не сломался. Правда теперь, при таком, прямо скажем, несколько «витиеватом» способе запираения машины, была теоретическая возможность забыть ключ внутри, но я полагал, что, проделывая столько замысловатых манипуляций, нужно быть полным кретином, чтобы не вспомнить о ключе...

Была пятница 13-е... В новостях предупреждали: «Будьте осторожны – это единственная пятница 13-й день месяца в этом году!». А еще в этот день была забастовка общественного транспорта со всеми вытекающими для дорожного движения последствиями. А еще у моего Степки не летал подаренный ему управляемый вертолет, и я обещал ему по дороге в школу заскочить в магазин авиамоделей и купить новые аккумуляторы. Сразу столько роковых совпадений...

Я медленно продирался сквозь автомобильный хаос и размышлял о том, что бы я сделал с профсоюзным активистом общественного транспорта, попадись он мне в руки живьем. Начал я с банальных действий типа «дать в харю», «двинуть ногой в пах», но к тому времени, когда я дополз до окрестностей Лионского вокзала, я уже мысленно устанавливал высокий острый кол на площади Бастилии...

Как раз в районе Лионского вокзала был тот самый магазин авиамоделизма, в котором я намеревался купить аккумуляторы для Степкиного вертолета. И в этом районе был уже самый настоящий бедлам: какой там свет на светофорах, кто там с какой стороны должен кого пропускать, даже понятие правостороннего движения – все потеряло смысл. Это ситуация, когда каждый едет, при любой возможности куда-нибудь продвинуться.

В какой-то момент мне страшно повезло: я не только сумел протиснуться в улочку, где был тот самый магазин, но и сумел приткнуть машину так, что она не мешала движению (если это вообще можно было назвать движением). Конечно, я ее поставил в таком месте, где даже ненадолго останавливать машину категорически запрещено – прямо на пешеходном переходе, но кто сейчас во всем этом бардаке, будет обращать внимание на подобные мелочи. Я быстро произвел манипуляции по запираанию машины и побежал в магазин. Небольшой запас времени у меня еще был, школа отсюда совсем недалеко, но тут ведь дело не в расстоянии – кто знает, что там творится на мосту через Сену...

Первый неприятный сюрприз состоял в том, что магазин авиамоделизма, из-за которого я, собственно, и залез в этот переулок, как раз накануне «самоликвидировался» - не было там больше никакого магазина. Второй неприятный сюрприз даже трудно назвать «сюрпризом» - это была настоящая катастрофа. Машина была заперта, а я не только не забрал с собой ключ – я оставил машину с работающим двигателем.

Итак: машина заперта, мотор работает, из всех «слесарных инструментов» у меня имеется лишь связка ключей (ключи от дома, от почтового ящика и от рабочего кабинета в университете), телефона у меня нет, в школе меня ждут дети. Даже если попытаться вызвать какую-нибудь аварийную службу, в этом бараке раньше чем через час или два они сюда не доберутся, и стоять это будет кучу денег. В «плюс» можно было записать только то, что все документы на машину были со мной, однако, согласитесь, бездефицитный баланс в этой ситуации подвести было трудно...

Первым делом я, естественно, попытался открыть машину теми ключами, что у меня были, но тут как раз никаких сюрпризов не произошло: представьте себе, даже ключ от почтового ящика автомобиль «гольф» открыть не смог. Надо же... Вторым моим побуждением было просто разбить стекло дверцы машины и не мучиться. Но, во-первых, сколько я ни осматривался, нигде рядом не наблюдалось ни одного сколько-нибудь увесистого предмета (никаких тебе бутылок или кирпичей на тротуаре – чистота просто омерзительная), а во-вторых, это было бы, как бы это сказать, ну «неизящно» что ли... В центре Парижа, вокруг куча народу, я беру камень (допустим, я ее найду) и – шарах по стеклу, во все стороны - куча осколков... А я, оборачиваясь во все стороны: «Граждане, не волнуйтесь – это моя машина, вот документы, просто я оказался таким идиотом, что сумел запереть машину, оставив ключ внутри, а произошло это потому что...». Ну и так далее. Опять же, потом вставлять новое стекло, а это и время и деньги. Нет, было такое ощущение, что передо мной (опять, в который раз!) поставлена сложная техническая задача, которая требует *изящного* решения.

Я побежал в здание вокзала в поисках полиции или, на худой конец, каких-нибудь «секьюрити». Полицию я не нашел, а вот два человека с бирками «секьюрити» мне попались довольно быстро. Однако, толку от них оказалось очень мало (у них даже дубинок при себе не было): как вскрывать машины они не знали, никаких полезных инструментов при и них не было, но они посоветовали обратиться в агентство по прокату автомобилей «Avis» (тут рядом, за углом) – все-таки там имеют дело с машинами, может чем-нибудь помогут...

В агентстве «Avis» милая мадам сказала, что, к сожалению, их техник уже ушел домой, а из инструментов... сейчас она посмотрит, какие у них есть инструменты и ушла куда-то вглубь своей конторы. Вскоре она вернулась и вручила мне изящную трость с костяным набалдашником.

- Можете не возвращать, - мило улыбнулась она. – Забыл кто-то из клиентов. Других инструментов, к сожалению, у нас нет...

Конечно, трость, по сравнению со связкой ключей – это уже более весомый «инструмент». Если хорошо размахнуться, может даже удастся разбить стекло... Однако, пока я возвращался к машине, я обнаружил, что трость-то не такая уж простая, как кажется на первый взгляд. Оказалось, что она состоит из трех, свинченных между собой

отдельных частей, а когда я их развинтил, то увидел, что верхние две секции заканчиваются довольно острыми металлическими штырями.

Сначала с помощью этого штыря мне удалось сверху поддеть стекло дверцы. Я поднажал, надеясь, что, может быть стекло пойдет вниз, однако, оно стояло намертво. Можно было поднажать еще, но тогда, скорее всего, стекло бы треснуло... Я решил пока воздержаться.

Затем, с помощью этого же штыря, мне удалось немного отжать саму дверцу. Затем я вставил в образовавшуюся щель второй штырь и, действуя как рычагом, еще больше отжал дверцу, затем, просунув глубже первый штырь, и, действуя как рычагом, еще сильнее отжал дверцу... Вскоре в образовавшуюся щель я смог просунуть весь кусок трости, но что толку-то?...

Вокруг было полно народу. Я со своей машиной стоял прямо на пешеходном переходе и довольно здорово мешал пешеходному движению. Большинство людей проходили мимо совершенно индифферентно, не обращая на меня ни малейшего внимания – ну взламывает человек машину – наверное, зачем-то ему это нужно... Некоторые поглядывали с любопытством, но надолго никто не задерживался.

Я стал пытаться продвинуться со своими кусками трости вниз – поближе к замку. При этом дверца отжималась все сильнее, и идея у меня была такая: либо замок кракнет, либо, может быть, мне удастся достать куском трости до «пипки» замка и поддеть ее. Увы, увы... Замок держал намертво, и продвижение мое вниз быстро остановилось – достать до «пипки» не было никаких шансов.

В верхней части дверцы у меня была щель шириной сантиметра полтора. Через эту щель я мог заглянуть внутрь машины, я мог просунуть туда палец, я мог даже засунуть туда кончик носа и понюхать, чем там пахнет внутри моей машины (с неустанно работающим двигателем), но я никак не мог пролезть в эту щель...

И тут я заметил, что у меня, наконец, появились заинтересованные зрители. Я обернулся и увидел, что за моей работой с большим профессиональным любопытством наблюдают трое полицейских.

- Наконец-то! – радостно завопил я. – Вы мне так нужны! Пожалуйста, помогите мне взломать этот чертов драндулет! Видите, как вышло – ключ вон там, а я вот здесь... А меня дети в школе ждут!

- Что ж тут можно сделать?... – задумчиво проговорил один. – Тут нужны специальные инструменты... – Он потрогал висевшие у него на поясе наручники, дубинку, притронулся к пистолету в кобуре, но ни один из этих «инструментов» его явно не удовлетворил.

- Тут «плечики» нужны, – спокойно и уверенно сказал другой.

Интонация этой фразы, и даже выражение лица полицейского были точь-в-точь как у товарища Сухова, который, если помните, в начале фильма сказал про Абдуллу: «Там его нужно было брать через дымоход...».

Вот только термин «плечики» я совершенно не понял – я решил, что это, наверное, какой-то их очень специальный полицейский жаргон. Какое-то очень хитрое приспособление для вскрытия машин.

- Где же я возьму «плечики»? – растерянно проговорил я, стараясь не показывать, что я ничего не понял.

- Как где? – сказал полицейский. – Да где угодно... – Он повертел головой, а потом показал пальцем на стеклянную витрину в двадцати метрах от нас. – Вот хотя бы здесь.

Это было что-то вроде салона красоты или магазина модной дамской одежды. Видимо, выражение моего лица было настолько идиотским, что полицейский сжалился и сказал:

- Ладно, пойдем, сходим вместе.

Симпатичная дамочка в салоне мило улыбнулась и вынесла нам двое «плечиков» - одни были солидные из толстой пластмассы, а вторые – совсем простенькие, сплетенные из проволоки. Полицейский взял те, которые попроще, и, пока мы шли к машине, быстро

распел их, в результате чего получился довольно длинный кусок проволоки. Затем на одном из концов он скрутил узкую петлю, примерно по размеру «пипки» на дверце машины, согнул петлю так, чтобы она была примерно под прямым углом к проволоке, пропустил проволоку с петлей в мою щель, аккуратно надел петлю на «пипку», после этого резко дернул вверх, и замок открылся!

- Забавно, - задумчиво проговорил один из полицейских, когда они удалялись, - и как это ему удалось запереть машину, оставив ключ внутри?...

* * *

Ну и спрашивается, как можно не любить таких полицейских?

Т О С Т

В ЧЕСТЬ СТОЛЬКОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ

Дедал и Икар: как это было на самом деле

Давным-давно, на рубеже второго и третьего тысячелетия до Рождества Христова на острове Крит жил и работал выдающийся мастер, гениальный инженер и знаменитый ученый профессор Дедал. Он был действительным членом Критинской Академии Наук, председателем Царского Совета Инженерных Искусств и руководителем Государственного Комитета Развития Лабиринта и Минотавра, он был почетным членом ряда зарубежных академий, в том числе Египетского Верховного Мистического Общества и Высшей Шумерской Школы Клинописи города Лагаша. Творческие интересы Дедала были необычайно широкими и простирались от ботаники до арифметики в науке и от магии до линейного письма в культуре. Еще в самом начале своей карьеры он стал создателем действующей модели Быка, воплотившись в которого Зевс смог овладеть красавицей Европой. Следствием этого выдающегося успеха явилось рождение царя Миноса, а затем, благодаря зоофилическим наклонностям его жены Пазифаи произошло рождение Минотавра. В результате Дедал получил государственный заказ на построение Лабиринта, в котором этот уникальный гоминид - полубык-получеловек – мог бы не только жить и нормально развиваться, но и быть доступен для жертв, посетителей и ученых. С блеском справившись с этой задачей, профессор Дедал занялся созданием канализационной, водопроводной и световодной сети для царской резиденции, Кносского Дворца, который к тому времени разросся до размеров небольшого города и буквально задыхался от антисанитарии. Реализация этого уникального по сложности и красоте проекта стала вершиной его карьеры – это было действительно выдающееся инженерное достижение, которое так и не было никогда превзойдено, ни в эпоху древности и позднее...

Профессор Дедал был обласкан богами и властью. Царь Минос выказывал ему всяческие знаки уважения, именем Дедала была названа главная улица Кносского Дворца, а его день рождения отмечался как общенациональный Критинский праздник. Дедалу покровительствовал сам Зевс, верховный правитель всего сущего, с которым, в силу исторических причин, у великого инженера сложились особые доверительные отношения. У Дедала никогда не было семьи, но зато к старости он создал свою собственную научную школу, в которой он вырастил много учеников. Самым любимым и талантливым его учеником был Икар, которого поздняя молва даже нарекла его сыном. Работая над проектом световодной сети царского дворца, Икар с блеском закончил аспирантуру и по протекции Дедала получил постоянную позицию в Институте Лабиринта и Минотавра.

Шли годы, и вот постепенно нелегкое бремя славы начало приносить свои неприятные сюрпризы. Возгордился Дедал. Ему стало мало почетных титулов и народных чествований. Он потребовал высечь список своих научно-инженерных работ на каменной стелле и установить ее вместе с собственным мраморным бюстом не где-нибудь, а на царской аллее Кносского Дворца. Царь Минос был взбешен, и только вмешательство Зевса спасло Дедала от неминуемой опалы и ссылки на далекий остров Колымас. Затем Дедал объявил себя равным бессмертным богам, что по критинским законам каралось смертью через съедение Минотавром. И снова заступничество Зевса

позволило Дедалу избежать наказания. Дело замяли в бесконечных комиссиях и разбирательствах, где ни один смертный не решился свидетельствовать против великого Дедала, а боги скромно промолчали. Но вот однажды Дедал позволил себе публично заявить, что он выше простых смертных, потому что сам Зевс – его вечный должник...

Зевс никогда не карал прямолинейно и сразу. Легенды про громы и молнии – это не более чем поздние сказки. У богов своя логика, свои методы и свой расчет. К тому времени, когда Дедал позволил себе столь неосторожное высказывание, у Зевса появились серьезные виды на принцессу Ариадну, дочь царя Миноса. Поэтому верховный бог решил совместить приятное (Ариадну) с полезным (примерным наказанием наглеца). И вот однажды красавица Ариадна бесследно исчезла из Кносского Дворца, а вслед за этим в царскую канцелярию поступила анонимная глиняная табличка, в которой говорилось, что принцесса цела и невредима, и содержится в заточении (в приличествующих ее царскому статусу условиях) в башне на вершине неприступной скалы горном массиве Псилоритис недалеко от пещеры Иды, где по преданию родился сам Зевс. Никаких требований выкупа, и вообще, никаких объяснений похищения принцессы в послании не содержалось. Убитый горем отец немедленно издал Царский Указ, объявлявший, что тот смельчак, который освободит прекрасную принцессу, получит ее в жены и будет введен в высший круг Царской Семьи.

После того как несколько пылких юношей нашли свою смерть на острых скалах Псилоритиса, проблемой заинтересовался Дедал. Он взял с собой Икара и они вместе внимательно осмотрели скалу, на вершине которой томилась прекрасная принцесса. Вывод, к которому пришли оба, был неутешителен: простому смертному влезть на скалу невозможно. На вершину к башне Ариадны может подняться только птица. Дедал почувствовал, как сладко защемило у него сердце... Да, решение этой проблемы стало бы достойным завершением его блестящей научной карьеры! Зевс был хорошим психологом...

К нему как будто снова вернулась юность и молодой задор, когда казалось, что в этом мире ничего невозможного нет, а жизнь будет бесконечной и полной счастья. Работая без отдыха днями и ночами они вдвоем с Икаром за несколько недель создали законченный проект крыльев, способных превратить человека в птицу. Затем содержание проекта было опубликовано в “Вестнике Лабиринта и Минотавра”. Статья получила восторженную критику, однако на этот раз, впервые в своей научной биографии, Дедал получил несколько мягких упреков в чрезмерной увлеченности фундаментальными исследованиями столь далекими от практической реализации.

-Идиоты! - воскликнул Дедал. - Куда уж практичнее?! Там ведь женщина ждет!... Икару не было никакого дела до высоких академических споров, но то, что там женщина ждет, он понимал не хуже Дедала. И вот они оба, Дедал и Икар, занялись построением крыльев, каждый для себя, и таким образом впервые в жизни Учитель и ученик стали конкурентами. Крыльев могло быть сколько угодно, но женщина-то была одна... Икар торопился. Ему казалось, что наступил тот момент, когда он не только может, но и должен превзойти (чтобы не сказать обойти) своего Учителя. Рано или поздно, но такой момент во взаимоотношениях учителя и ученика все равно наступает. Тем более, что принцесса-то была одна, и больше такого шанса ему в жизни может и не выпасть.

Дедал тоже работал быстро, но ему трудно было угнаться за молодым, ловким и умелым учеником. Икар первым построил каркас крыльев и первым насобирав нужное количество птичьих перьев. Затем он придумал, как ему казалось, гениальное усовершенствование, которое значительно ускоряло работу: закреплять перья на каркасе не веревочками, как было в исходном проекте, а воском. Увидев, что делает ученик, Дедал, как добросовестный ученый, хотел его предостеречь. “Остановись, Икар! - пытался говорить Дедал. - Подумай сначала, что ты делаешь!...” Но Икар больше не слушал своего Учителя, в нем кипела молодая кровь, он торопился: скорее, скорее, скорее!... И он, конечно же, первым построил свои крылья.

Икар легко взмахнул крыльями и первым из смертных взмыл над землей как птица! “Вернись, Икар! - кричал ему вслед Дедал. - На этих крыльях нельзя летать!...” Но Икар не оглядывался и не слушал – его манило, звало к себе бесконечное синее небо. Где-то там далеко в вышине уже виднелась башня на скале, там его ждала прекрасная принцесса, там его ждало счастье... И он поднимался все выше, и выше, и выше, пока, наконец, жестокое солнце не растопило воск его крыльев. Перья разлетелись, и он упал на самое дно самого глубокого ущелья...

Дедал тяжело переживал гибель своего лучшего ученика, но работу не оставил. Каждое перышко он тщательно привязывал к каркасу отдельной веревочкой. Перышко за перышком, веревочка за веревочкой... Долго и упорно трудился старик Дедал, но в конце концов, построил такие крылья, которым были не страшны ни солнце, ни ветер, ни дождь.

И он взмыл над землей как птица, и стал подниматься все выше, и выше, и выше, пока наконец не опустился на балкон великолепной башни на доселе неприступной простым смертным скале. “О, Дедал! - воскликнула восхищенная Ариадна. - Ты мой спаситель! Как долго я тебя ждала! Возьми меня!” И пала ему на грудь... И тут, увы, оказалось, что слишком долго и слишком упорно трудился Дедал связывая перышки и веревочки... Оскорбленная женщина в приступе ярости вышвырнула бессильного старика с балкона своей башни, и он упал на самое дно самого глубокого ущелья...

И вздохнул великий Зевс: “Ах, если бы молодость знала! Эх, если бы старость могла!...”

Так выпьем же за то, чтобы молодость, хоть иногда, хоть что-нибудь знала, а старость хоть изредка, хотя бы чуть-чуть, хоть что-то могла!

2007 г.

ПОЛОСАТАЯ ЖИЗНЬ

Летом, я окончательно понял, что результат я получил неправильный. Почти три года работы, в вычислениях — никаких ошибок, а в качестве результата — лажа. Так тоже бывает — скрытый дефект метода. Короче результат работы оказывался, если выражаться политкорректно, «inconclusive», но я твердо решил его опубликовать. Во-первых, потому что было просто жалко выбрасывать в помойку три года работы, во-вторых, потому что полученная «лажа» была, на мой взгляд «лажей» интересной, ну и в-третьих, просто с провокационной целью – вдруг будет реакция, кто-нибудь что-нибудь выкнет, и я пойму, что делать дальше (захотелось использовать «джокер», который называется «подсказка из зала»). Однако мой цюрихский благодетель, коллега и просто очень хороший человек Джанни Блаттер (который все эти годы безропотно платил мне деньги) был столь же твердо настроен против того, чтобы печатать заведомо неправильный результат (пусть и с нашими объяснениями). Когда я был в Цюрих в декабре, мы препирались с ним ежедневно в течение двух недель. Он остался непоколебим, но и я (в кои-то веки!) оказался тверд. Тогда выкидывай меня из авторов, – сказал Джанни перед моим отъездом. Таким образом, он переехал из авторов в «благодарности» в конце статьи. В январе статья была вывешена в интернет-архиве «condmat», а Джанни перестал быть моим благодетелем и остался только коллегой и хорошим человеком, потому что деньги мне он платить больше не хотел.

* * *

А тем временем, наш автомобиль в очередной раз и теперь уже окончательно умер. То есть нельзя сказать, что он вообще перестал ездить. Он заводится и едет минут тридцать (если повезет), а потом у него последовательно перестает работать коробка передач (автомат), затем тормозная система ABS, затем полностью выключается электричество, и, наконец, мотор начинает колбасить как, как будто у него жестокая стенокардия, после чего авто переходит в состояние клинической смерти. Но уже часа через три, если есть желание, на нем можно проехать еще немного, куда-нибудь... Наш местный автомеханик по имени Алим провозился с этим аппаратом полдня, но потом сдался, честно признав, что есть вещи в этом мире ему неподвластные. И денег, кстати, не взял, потому что, как я понимаю, он человек чести...

* * *

А тем временем, ушел из дома наш рыжий кот Мидори. Вечером, как обычно, отправился по бабам и не вернулся, ни через день, ни через два, ни через неделю... Дети, естественно, все в слезах — еще года не прошло, как они его из пипетки выкармливали — когда он у нас появился, ему была неделя от роду. Ну естественно, сделали большое, формата А4, жалостливое объявление с красивой цветной фотографией, и развесили его по всем окрестным улицам и магазинам, но что толку...

Вслед за этим, Машка привела к нам жить собаку Клару — хоть и без кларнета, но все равно очень симпатичную. Рыжая, коккер-спаниель с ушами до пола. Это было никак не связано с исчезновением кота — просто так совпало. У Клары была своя полная драматизма жизненная история. Сначала она росла в семье, где были маленькие дети. Дети ее безжалостно мучили, и вот однажды она не выдержала и кого-то из детей цапнула. В результате ее отдали в собачий приют. Из приюта ее забрал какой-то гомик.

Этот гомик, как это у них принято, влюбился в другого гомика, и они стали жить семейной жизнью, а в качестве, то ли «приданого», то ли знака любви и преданности, он подарил Клару своему «семейному партнеру». Но потом, как это часто бывает, любовь прошла, семейная жизнь рухнула, и бывший хозяин Клары ушел, а тот гомик, который остался, Клару тоже больше не хотел, потому что она напоминала ему об утраченном счастье и разбитом сердце. И куда, спрашивается, бедной собаке было деваться — естественно, идти к нам — куда же еще?...

* * *

А тем временем, оказалось, что группа товарищей (из трех человек) во главе с моим давнишним знакомым Пьером Ледуссалом (из Парижской Ecole Normale) вот уже два года билась над ровно той же самой задачей, что и я. И когда в январе они увидели мою статью, то, естественно, совершенно ошалели: «Как же так?! Мы тут!... А он там!... Мы тут два года!... А он!...» Ну, в общем, я их хорошо понимаю... Но поскольку у меня решения-то никакого не было — просто методика, ну и некий, так сказать, «интересный» результат (про который так и написано, что он неправильный), то они решили тоже срочно хоть что-то «застолбить». В феврале в «condmat» появилась их статья — наспех и очень бестолково написанная, где они подробно объясняют, почему у меня все неправильно, а потом предъявляют свое якобы «точное» решение. Ну, решения у них, допустим, вообще никакого не было, потому что результат представленный в виде бесконечного ряда, который к тому же содержит бесконечное число интегрирований — это не результат — в лучшем случае это некий «шаг вперед» (если выразаться «политкорректно»). Но у них в статье была одна очень умная мысль, а именно, простой способ, который позволяет находить функцию распределения путем суммирования по целым числам и полностью обойтись без процедуры аналитического продолжения (на которой у меня все и кракнуло). Это был тот самый «джокер», которого я ждал! И я вцепился в него как бульдог. Поскольку к тому времени я уже выучил, что такое детерминанты Фредгольма и знал совершенно охренительное «Cauchy double alternant identity», то доказательство TW-распределения в моей системе было теперь просто делом терпения и времени...

* * *

А тем временем, у меня иногда стало появляться ощущение, что где-то глубоко в горле имеется что-то постороннее. Сначала я не обращал на это внимания, потом изо всех сил старался не обращать внимания, но потом ощущение стало постоянным, а временами довольно сильным, и не замечать это было уже невозможно...

Мне всегда казалось, что если что, я «всегда готов». Как бы не так... «Как, уже?!... Уже пора?!... Как же так? - у меня еще столько планов!... А семья?... А дети?...» . Несколько дней продолжался странный бзик – про кого ни вспомню, про кого ни прочитаю, кого ни увижу в старом кино – и тот умер, и этот давно уже умер... «В общем, все умерли», - как сказал Александр Абдулов в фильме «Формула любви», который, кстати, тоже не так давно умер... И ничего – мир не перевернулся. Но это для тех, кто пока еще остался тут...

Нужно было принимать решение. 9-го марта во вторник я в очередной раз заболел. Утром, как всегда, отвез детей в школу, а потом уже у себя в кабинете почувствовал, что в горле давит так, что даже, как будто, мешает дышать. Я сидел за своим столом и смотрел на телефон. Вот я сейчас позвоню, и жизнь разделится на «до» и «после». А позвоню не сейчас, а через полчаса, и у Аньки будет еще полчаса нормальной будничной жизни. Кошмар... И тогда я постановил: в 14.00 я звоню...

Через два часа я уже сидел на приеме у нашего участкового врача мадам Милло. Изложить, ничего не выдумывая, историю моих встреч с врачами, что в России, что здесь во Франции, и получится настоящая комедия-фарс – обхохочешься. Я уже давно для себя решил – случись чего, помощи не будет, рассчитывать можно только на собственные ресурсы. И вот случилось, а ресурсов, увы, никаких. И надо же, в кои-то веки, мне повезло с врачом.

Мадам Милло внимательно выслушала мои сбивчивые объяснения, обслушала меня со всех сторон, обстукала, а потом сказала, что придется сделать фиброскопию – запустить в пищевод камеру и поглядеть, что там и как. Я спросил, а разве не проще сделать рентген? Она ответила, что на рентгене *это* не увидишь. Я удивился – на рентгене не будет видно опухоль? Она ответила – да нет там никакой опухоли... Просто плохо стал закрываться вход в желудок, из него в пищевод стали попадать всякие жидкости, которым место только в желудке, от этого в пищеводе происходит воспаление, которое создает впечатление, что там что-то постороннее. Но вообще, конечно, надо поглядеть, что там и как.

В общем, похоже, можно было продолжать жить...

* * *

А тем временем, пока происходила эта катавасия с несостоявшейся опухолью, я получил статью Пьера и Ко на рецензию (из журнала *Europhysics Letters*). В результате мне пришлось получше вчитаться в их текст, и я увидел, что, похоже, в их вычислениях имеется ошибка. Доказывать авторам, что там действительно имеется ошибка, было бы делом муторным, да и не нужна мне эта морока – это их проблемы – но сам я был в этом совершенно уверен: как-никак они пользовались моей техникой, которую я (без ложной скромности) знал неплохо. Я написал положительную рецензию — печатайте на здоровье (как «важный шаг вперед»), но только, пожалуйста, не называйте это точным решением, тем более, что вот в этом месте, по моему мнению, вообще имеется ошибка.

Как обычно поступает автор в ответ на возражения рецензента? — он «отбрыкивается». Однако, не тут-то было...

* * *

А тем временем, подошло время проведения Женькиного дня рождения для ее друзей и одноклассников. Десять лет - юбилей. Дома мы эту дату отметили уже больше месяца назад, когда и положено, 15-го февраля, но тогда были каникулы, одноклассники – кто где, и вот теперь нашлись подходящие выходные. Женька у нас девочка общительная, дружелюбная – кроме друзей она пригласила еще и весь класс (ну а как иначе? – кого-то приглашать, а кого-то не приглашать?!). Вот весь класс и приехал... Поскольку, по здешним меркам, мы живем «у черта на куличках» - ехать далеко и долго - то часть детей отправилась к нам заранее – еще в пятницу вечером, сразу после школы. В субботу дети продолжали прибывать, и в ночь с субботы на воскресенье у нас ночевало уже десять детей. А в воскресенье, на собственно праздник, их собралось, по словам Аньки, двадцать человек. Сам я пересчитать весь этот буйно-веселый бедлам был не в состоянии. Но что приятно, дом оказался прочным – выдержал и даже нигде не дал трещин... Ну и разъезжались, разумеется, тоже постепенно – в понедельник утром Анька повезла в школу семерых...

А тем временем, мне, наконец, удалось поднять Фредгольма в экспоненту, и там, (наконец!!!) лежало то самое TW-распределение, которое я искал все эти годы. Оно самое - на блюдечке с голубой каемочкой. Я не торопился, я смаковал - я был совершенно уверен, что нахожусь один на этой вершине: ну кто кроме меня мог бы соединить Фредгольма с «Cauchy double alternant identity», да еще и поднять их всех в экспоненту? - разве что какие-нибудь совсем уж выжившие из ума математики, которым дела нет до этой задачи...

И пока я наслаждался... Никогда не забуду - во вторник (23-го марта) в пять часов по полудни получаю я на вторичную рецензию переделанную статью Пьера и Ко. В сопроводительном письме Авторы пишут, что очень благодарны «третьему рецензенту», который указал им на ошибку, что они полностью все перевычислили, полностью переписали всю статью, потому что теперь у них имеется доказательство TW-распределения. Я поглядел их статью и увидел в ней свое доказательство - и Фредгольма, и «Cauchy double alternant identity», и всех их вместе в экспоненте... Только написано очень бестолково и сумбурно, а так все то же самое. Только мое - у меня в голове и на бумажках, а их статья уже лежит в журнале. Я совершенно офонарел: Как же так?!... Я тут!... А они там!... Я три года!... Побелка... Купорос... А они!... Откуда?!...

Потом мне Пьер рассказал, что когда они убедились, что у них действительно ошибка, то совершенно ошалели, начали носиться по коридорам Эколь Нормали, поймали какого-то тамошнего математика, хорошенько на него нажали (я даже думать не хочу, что они с ним делали в этих пресловутых подвалах Экольнормальки...), и он им выдал «Cauchy double alternant identity». А про Фредгольма они и так знали.

Когда первый шок прошел, я снял трубку и позвонил Пьеру: «С вами говорит ваш третий рецензент...». Я назваля и честно обрисовал ситуацию (нет, немножко слукавил: сказал, что свою статью как раз дописываю). Мы быстро решили, что конфликтовать нам нет никаких причин, и мы просто вставляем в свои тексты взаимные «реверансы»: «В процессе подготовки статьи узнали... совершенно независимо... тот же самый результат...». Забавно, что это «совершенно независимо» - неправда с обеих сторон - произошло, так сказать, «перекрестное взаимное оплодотворение»...

Потом я сел и за 24 часа написал статью (в отличие от *этих*, очень хорошо написал...). Новый вариант *их* статьи (вместо старого) они выложили в «condmat» в понедельник. Моя статья появилась там в четверг, и как только у моей статьи появилась «интернет-ссылка» ([arXiv:1003.4899](https://arxiv.org/abs/1003.4899)), я отправил в Europhysics Letters письмо, в котором объяснил, что произошло, и сказал, что, по моему мнению, в этой ситуации было бы разумно напечатать наши две работы в их журнале одновременно. И они согласились...

А потом, уже поздно вечером, мне поплохело. В горле давило так, что стало трудно дышать, во всем теле началась какая-то дрожь, что-то вроде конвульсий, черт знает что... Ну, думаю, все - мой час настал, и все такое... Анька скорую вызвала... Ничего - потом очухался. Думаю, это было что-то вроде адреналинового шока, усугубленного Фредгольмом на фоне тяжелого «Cauchy double alternant identity».

В понедельник я получил письмо от одного очень уважаемого человека по имени Шпон (Herbert Spohn), в котором он меня поздравил и сообщил, что в трех подряд его статьях, которые появились в феврале (я их не видел) он совершенно другим способом доказал TW-распределение для решений уравнений типа KPZ (которые считаются

эквивалентными моей системе), и попросил, чтобы в окончательном варианте статьи я не забыл его процитировать.

Вслед за этим, пришло письмо от человека по имени Иван Корвин (Ivan Corwin), в котором он меня поздравил и сообщил, что в огромной (60 страниц) его и еще двух математиков статье они сделали то же самое, что и уважаемый профессор Шпон, но только математически строго. Ну и, разумеется, попросил, чтобы в окончательном варианте статьи я не забыл его процитировать.

В общем, на вершину набилось много народу...

А потом в моей голове зазвучал голос Капеляна из «Штирлица»:

- Теперь, когда прошло несколько дней, он отчетливо понимал, что был на грани провала...

* * *

А тем временем, нашелся наш кот Мидори. Прошло полтора месяца, как он исчез! Позвонила какая-то женщина, и сказала, видела кота, который «бомжует», недалеко от ее дома (в полукилометре от нас), и этот кот – один к одному, как на объявлениях, что она видела на улице. Анька побежала туда, и действительно - он, паршивец! Видно его все-таки кто-то украл – уж очень красив, поганец, а людей не боится совершенно – ведь из пипетки выкормленный. А потом его либо выгнали – надо признать, писает он где ни попадя – либо сам сбежал. Свою хозяйку узнал сразу, безропотно затих в сумке... Появление в доме Клары не одобрил, но смирился... Пока сидит под домашним арестом – на улицу ни ногой, ни лапой!

* * *

А тем временем, подошло время делать фиброскопию – не прошло и полутора месяцев после моего визита к мадам Мило, как подошла моя очередь. Камеру ко мне во внутрь должны были засовывать под общим наркозом. Я говорил, что могу и потерпеть – тем более, если можно в режиме «online» поглядеть кино про свои внутренности. Но нет – не положено и точка – такие правила. Взяли с меня подписку, что в случае чего, я позволяю им делать со своим телом все, что они сочтут нужным, заставили раздеться до гола, завернули в какую-то марлевую накидку, уложили на каталку... Доктор, с которым мы уже предварительно беседовали, представил меня медсестрам – вот, говорит, это – специалист по системам, находящимся в полном беспорядке, прошу любить и жаловать. Ой, - оживились сестрички, - так вы что могли бы разобраться в том бардаке, что творится в нашей клинике? Тем временем, одна из медсестер воткнула мне в вену иглу, от которой шла трубочка к емкости с прозрачной жидкостью. На игле имелся краник – пока перекрытый. А вы умеете вычислять во сне? – вдруг спросил доктор. Да, - говорю, - иногда очень даже неплохо получается. Если честно, - говорю, - то я возлагаю большие надежды на ваш наркоз. Ну ладно, - сказал доктор, - до скорого, - и кивнул медсестре. Та повернула краник, я почувствовал легкое покалывание в голове, подумал: ой, кажется начинает действовать... и проснулся прекрасно отдохнувший и посвежевший. Вычислить, конечно, ничего не вычислил, но зато, в кои то веки, хорошо выспался. Что это за средство такое замечательное вы мне впрыснули? – спрашиваю у медсестры. О, - говорит она, - это прекрасное и очень эффективное снотворное! Это, кстати, от него, - добавила она, - умер Майкл Джексон...

Никаких сенсаций эта процедура не произвела: как и предсказывалось, плохо закрывается желудок. Месяц попить таблетки, и все пройдет. Короче, тяжело больного из меня не вышло, но я и не жалею... А еще у меня теперь есть красивая цветная фотография моего желудка изнутри.

* * *

А тем временем, наступили школьные каникулы, и у нас забрали всех троих детей. Многодетные родители здесь регулярно практикуют взаимные обмены детьми – ведь если у тебя дома толчется не трое, а скажем, шестеро – большой разницы нет, зато кто-то может пару дней отдохнуть. К примеру, на прошлых каникулах количество детей у нас дома колебалось между семью и девятью. А теперь вот, у нас забрали всех – тишина наступила просто невообразимая! В кои-то веки сходили с Анькой в гости, расслабленно (не поглядывая на часы!) посидели за столом, попили хорошее вино, повели неторопливые светские разговоры...

Возвращались поздно, размякшие, умиротворенные... Когда автобус уже подъезжал к нашей остановке, ему навстречу неожиданно выскочила невесть откуда взявшаяся машина. Лоб в лоб. Я уже встал, чтобы идти к двери, стоял спиной вперед, и поэтому ничего не видел. От резкого торможения я пролетел метра два и грохнулся о барьер, который отделяет водителя от салона. Стукнулся правым локтем и левым плечом — как при этом уцелела голова, до сих пор не понимаю. Анька, к счастью, еще не успела встать, поэтому ее бросило на мягкое кресло напротив (развернутое против движения), а потом после удара — отбросило обратно.

В первый момент очень захотелось сесть и посидеть. Анька говорит, что вид у меня был немножко белый, но, я думаю, она все сильно преувеличивает — вид как вид — просто немножко устал от удара... Правда, локоть разбил в кровь, но в остальном, как будто, нигде ничего не треснуло. Сама Анька, к счастью, отделалась легкими ушибами. Из остальных пассажиров тоже никто особенно не пострадал, потому что все они (в отличие от меня, непоседы) смирно сидели на своих местах.

А вокруг наблюдался «пейзаж после битвы». Оказывается, в нас въехала всего-навсего маленькая пигалица «Пежо» - она застыла полной раскарякой поперек дороги. Передок у нее — в драбадан, переднее стекло — в драбадан, в салоне — два больших красивых желтых пузыря — это так выглядят сработавшие подушки безопасности. Автор всего этого — водитель «Пежо» (как выяснилось впоследствии, в дупель пьяный), из своего авто вылез сам, но потом улегся рядом на асфальте. Тоже, видимо, здорово устал мужик.

Больше всего, в той кутерьме, которая поднялась сразу после удара, меня поразил водитель автобуса. Убедившись, что тот придурок из «Пежо» жив, он вернулся в салон и отстраняясь от царившего вокруг галдежа, с болью в голосе заявил: «Теперь, меня больше всего интересует этот пассажир!». И показал на меня. У него на лице было такое отчаяние, столько страдания! А все дело в том, что пафосную декларацию «Водитель несет ответственность за жизнь безопасность пассажиров», он, оказывается, принимал исключительно серьезно, и теперь его лицо говорило: «Не уберег! Не уберег! Как я мог?!...»

А потом всем было продемонстрировано, что кое-какие службы в этой стране все еще работает неплохо. Спасатели были на месте через три минуты. Еще через минуту прибыли полиция и служебная машина РАТР (той конторы, которая ведаёт автобусными перевозками). Спасатели быстро отнесли на носилках водителя «Пежо» к себе в машину

и стали его там «обрабатывать», предложили «обработать» и меня, но я отказался. Полицейские вежливо и оперативно опрашивали и брали координаты свидетелей, составляли протокол. Меня тоже запротоколировали — не только как свидетеля, но и как пострадавшего, и особо зафиксировали в своих бумагах мой разбитый правый локоть и травмированное левое плечо. Ибо, как ни как, я был совершенно *фраппирован* этим автобусом...

* * *

А тем временем, в далекой Исландии вспучился вулкан Эй[ля-ля]кюдль. Господи, ну хоть пепел этого вулкана мимо пронеси...

2010 г.

КРЕТИН

1.

Николай Иванович Босак не относился к разряду ярких личностей. Он даже не принадлежал и к той обширной категории "маленьких" людей, которые, будучи по всем внешним параметрам совершенно неприметными, тем не менее, после пристального и длительного рассмотрения открываются каким-либо неожиданным талантом. Николай Иванович был удивительным образом неинтересен во всех отношениях, и собственно именно поэтому он меня и заинтересовал.

Николай Иванович жил под Москвой в поселке Черноголовка, в одной из тех характерных многоэтажных картонных коробок, про которые в решениях двадцать какого-то съезда партии была сделана историческая запись: "Пусть будет больше и лучше если с меньшими затратами" (где запятая была сознательно опущена). Дома в Черноголовке были сравнительно новыми и поэтому сделаны были из плотного качественного картона, а кроме того, снаружи они были покрыты лаком для защиты от дождя и выкрашены в разные цвета. Дом, в котором жил Босак, был голубой.

У Николая Ивановича никогда не было семьи, он не имел никаких тайных порочных пристрастий (как некоторые предполагали), и он не был болен. У него не было друзей, он избегал бурных пирушек и общества симпатичных женщин, он ничего не коллекционировал, ничего не сочинял и не увлекался рыбной ловлей. Босак жил самой нормальной жизнью - ездил через всю Москву на работу, ел три раза в день и читал газеты. В его комнате в коммунальной квартире стоял потертый скрипучий диван, простой деревянный стол, на стене возле дивана был прибит выцветший ковер с лебедями, в другом конце комнаты стоял перекошенный книжный шкаф, забитый книгами и пыльными газетами, под потолком висела лампочка без абажура, и на столе стояли настольная лампа, радиорепродуктор и ужасающей силы будильник, который ненавидели все соседи.

Единственное тайное увлечение Николая Ивановича (о котором не знал никто кроме меня) состояло в том, что он *обожал* смотреть свои сны. Его поразительные ночные видения как будто компенсировали неприметность его дневного существования: ему снились яркие цветы, далекие планеты, сочная трава на альпийских лугах, красивые женщины, величественные храмы, завораживающая музыка, запахи майской акации... Впрочем, по утрам он сразу же все забывал, и в его памяти оставалось лишь сладковатое чувство прикосновения к чему-то обворожительному и таинственному. А его сны сохранял я.

В промежутках между своими снами он добросовестно ездил на работу в Научно-исследовательский институт тепловых процессов (НИИТП), где, несмотря ни на что, его отдел продолжал заниматься безнадежным конструированием твердотопливных ракетных двигателей, а по субботам он тайком от всех ходил смотреть мультфильмы в кинотеатр "Баррикады", что на Красной Пресне, где ему изредка удавалось увидеть ту единственную женщину по имени Марина, которую он любил.

В течение многих десятилетий его родной НИИТП существовал под вывеской НИИ сельскохозяйственного машиностроения, и про него родным и близким полагалось говорить только то, что он находится в районе метро Войковская. Все это время там создавались ракеты для нанесения сокрушительного удара по потенциальному агрессору. С наступлением новых времен агрессор сам собой куда-то рассосался, ракеты стали не в моде, и в Институте занялись конструированием овощерезок, перепродажей пива и картофеля. Одновременно с этим его рассекретили до такой степени, что на

главной проходной появилась даже вывеска с его якобы истинным названием "НИИ Тепловых Процессов", хотя сигнальная проволока, вспаханная полоса и телекамеры за высоким забором остались на месте. Еще пригодятся...

Традиционно, серьезным делом в Институте занимался только отдел жидкостных ракетных двигателей. Отдел ядерных двигателей создавал лишь какие-то чудовищные проекты, годные, разве что для транспортировки целых планет, а отдел твердотопливных двигателей перебивался всякой мелочевкой вроде ракет среднего и близкого радиуса действия. Когда же ракеты стали не нужны, первыми на новую ситуацию среагировали опять-таки в отделе жидкостных двигателей, и поэтому именно этот отдел получил престижный заказ на овощерезки. Отдел ядерных двигателей держался на плаву за счет перепродажи пива и, если повезет, батончиков с толстым-толстым слоем шоколада, а отдел твердотопливных двигателей, где работал Босак, так и не сумев перестроиться, продолжал упрямо возиться с никому не нужными ракетами, и поэтому, казалось, был обречен умереть мучительной голодной смертью.

Все это было бы скучно и неинтересно, однако, случилось так, что в итоге все завершилось феерической драмой. Весь этот бред, с которым часто сравнивают нашу жизнь, иногда приобретает совершенно конкретные формы. В один прекрасный день, в самый разгар борьбы с конверсией в Институт пришел совершенно неожиданный правительственный заказ на создание реактивного разбрызгивателя навоза. А поскольку только в отделе твердотопливных двигателей еще помнили чем отличается ракетное сопло от мясорубки, то заказ достался именно ему. Исполнителям предоставлялась полная свобода творчества - требовалось только, чтобы навоз распределялся сразу по большим площадям.

Истосковавшись по конкретному делу, весь отдел трудился над заказом денно и ночью. В кратчайшие сроки были изведены большие деньги, и, в конце концов, была создана действительно остроумная система. В качестве образца, как это часто делается, взяли хорошо отработанное "изделие", стоящее на вооружении. Идея состояла в том, чтобы для распределения навоза по заданным большим площадям использовать обычную ракету с разделяющимися боевыми частями индивидуального наведения. Нужно было лишь перерасчитать ее для очень короткого радиуса действия, и заменить ядерные заряды дерьмом. У этого аппарата был только один недостаток - он был одноразового действия, однако, если бы его поставили на поток, то он мог бы оказаться бы не таким уж дорогим.

Тем не менее, работу пришлось проделать огромную. Нужно было создать совершенно новые двигатели, и требовалась просто таки ювелирная точность попадания (как при стрельбе по штабам потенциального агрессора). Группа, в которой работал Николай Иванович, занималась потоками через критическое сечение сопла и расчетом его профиля. Сам Николай Иванович изучал распределение вылетающих вместе с газами капель окислов металлов, которые добавлялись в горючее, чтобы контролировать температуру сгорания, а значит и общую тягу. Чем занимались другие, по заведенному обычаю, Николай Иванович не интересовался, но за проект болел всей душой. Как это всегда у нас бывает, для исполнения заказа были отведены жесткие сроки, и поэтому в самом конце было несколько недель дикой штурмовщины. А потом наступил день первого полевого испытания.

2.

Утром в отделе царил праздничное возбуждение. Даже Николай Иванович вышел из своего обычного состояния маниакально-депрессивной созерцательности. А когда компактный и такой симпатичный контейнер с "изделием" - их выстраданное детище - стали грузить на транспортер, он даже рассмеялся и захлопал в ладоши.

Среди набившихся в ангар сотрудников заметно выделялась фигура начальника отдела Пархома Парамоновича Крышкина - крупного высокого толстяка неопределенного возраста в сером плаще и таком же сером берете. На фоне всеобщего оживления Пархом Парамонович был отрешенно печален и сух. Говорили, что все эти годы отдел не разгоняли исключительно благодаря умению вертеться этого человека.

У Крышкина была интересная особенность - что бы ему ни сказали, прежде чем как-либо отреагировать, он обязательно некоторое время переваривал услышанное. При этом глаза его на несколько секунд гасли, а в особо трудных случаях, говорили, что можно было даже услышать тихое жужжание. Потом его глаза приобретали прежнюю прозрачность, и он выдавал ответ. Изредка случалось, что он просил ввести информацию повторно, и тогда он говорил: "Не понял". Поэтому непринужденно болтать с ним было трудно, но зато на деловых беседах он производил чрезвычайно внушительное впечатление - казалось, что он всякий раз просчитывает все варианты на несколько ходов вперед и учитывает все. Это, конечно, была неправда, но важно, что и сам Пархом Парамонович это хорошо знал. Между прочим, когда несколько месяцев назад ему предложили спроектировать реактивный разбрызгиватель навоза, он повторил свое "не понял" два раза, чего с ним никогда до этого не случалось.

Теперь, стоя с отрешенным видом у стены ангара, он был единственным, кто не проявлял никакого оживления. Окружающие с уважением думали, что он сосредоточен, и что он очень волнуется, но на самом деле ему было просто грустно. Нейронный компьютер в его голове уже сообщил ему, что вероятность удачного исхода этого испытания совершенно ничтожна, а вдобавок еще и выдал издевательский риторический вопрос: "Куда ж ты денешься, Пархом?".

У Пархома Парамоновича были какие-то непонятные, специфические взаимоотношения с Николаем Ивановичем. У них не было ничего общего, они почти никогда не разговаривали, но каким-то образом Крышкин чувствовал, что Босак - это может быть единственный в этом мире человек, с которым можно не просчитывать наперед свои ходы. А Николая Иванович, кроме того, что он и так обладал каким-то китайским чувством уважения к любому начальнику, к Пархому Парамоновичу испытывал просто благоговение.

Николай Иванович этого не знал, но много лет назад своим поступлением на физтех он был обязан именно Крышкину. Экзамены он тогда сдал плохо и шансов не имел никаких, но на заключительном собеседовании, где принималось окончательное решение и где присутствовали представители всех базовых институтов, Крышкин его заметил и вопреки всякой логике и здравому смыслу взял в свою группу.

Тогда, на собеседовании, маленькому перепуганному Коле просто для проформы задали всего один вопрос, чем бы он хотел заниматься в науке. На это Коля разразился страстной пятнадцатиминутной речью о том, что он хотел бы конструировать ракеты, чтобы они улетали к другим планетам и звездам, чтобы исследовать неизведанное и рассказать об этом людям, и тогда перед лицом красоты Природы человечество станет добрее, а значит, жизнь будет становиться радостнее и счастливее. Когда Коля замолк, в наступившей неловкой тишине вдруг раздался заинтересованный голос Крышкина: "Простите, не понял...".

Крышкин в те дни отчаянно сражался за проект крупной баллистической ракеты. И хотя было уже понятно, что он проиграл, Пархом Парамонович все еще продолжал отчаянно сопротивляться, кому-то что-то доказывать, на что-то надеяться. Там, на собеседовании, он просчитывал, какие еще можно было бы сделать ходы и поэтому прослушал первую часть Колиной речи про полеты к звездам. Он начал слушать, когда Коля заговорил про красоту Природы и счастье, и все силился понять, какое это имеет отношение к происходящему и к его баллистическим ракетам. Однако, на заинтересованную просьбу Пархома Парамоновича повторить, что же тут такое говорилось, его сосед, представитель кафедры стратегического земледелия, пообещал,

что он потом сам все расскажет Крышкину, и Колю выпроводили. Так ему потом никто ничего и не объяснил, и может быть поэтому что-то такое засело в душе Пархома Парамоновича, в результате чего, сам не зная почему, он настоял, чтобы Колю взяли в его группу...

Наконец, контейнер с "изделием" погрузили на транспортер и укрыли пологом с крупной надписью "Сельхозмаштрансавто". И тут, заходя в автобус, предназначенный для тех, кто должен присутствовать на испытаниях, Пархом Парамонович вдруг увидел полный обожания взгляд Николая Ивановича. Не особенно суеверный человек, Крышкин в эти минуты как раз думал о том, какой бы такой взять талисман, или какую бы такую сделать глупость, чтобы ему сегодня вдруг повезло. Поэтому, увидев Николая Ивановича, он, к великому изумлению окружающих, махнул ему рукой и пригласил в автобус.

Когда-то давно, в трудные первые годы ракетостроения, появилась крылатая фраза: "Просто так даже ракеты не взрываются". Думая о предстоящем испытании, Пархом Парамонович подумал, что это пожалуй тот самый случай, когда причин для большого фейерверка так много, что это и будет "просто так". Большую часть систем так и не успели проверить на стендах. Двигатель - только что созданный совершенно новый маршевый двигатель! - так ни разу и не прошел стендовых испытаний! И ведь никто потом не станет разбираться, почему так вышло, что ангар с аэродинамической трубой оказался занят под склад для "сникерсов". Ни один расчет не был сделан хотя бы два раза... И чего мы столько корячились? - думал Пархом Парамонович. - Куда проще было бы свалить на поле кучу дерьма, сунуть в середину динамитную шашку и убежать подальше. И дешево было бы и красиво... Кавалькада, которую возглавляла машина с мигалкой, выехала на кольцевую дорогу и двинулась на юг. Над Москвой висел морозящий дождь.

Напротив Крышкина в автобусе сидел высушенный долговязый мужчина в тяжелых затемненных очках, которые закрывали почти половину его острого лица. Это был главный консультант по общим вопросам - фактически самый влиятельный человек в Институте после генерального директора. Полное его имя было довольно замысловатым - Прострат Прокофьевич Пускаев - но за глаза все его звали просто Трипэ.

Прострат Прокофьевич обладал очень интересным биополем: при его появлении где бы то ни было, все окружающие начинали сразу же ощущать охоту к перемене мест и сильное желание немедленно выйти вон. Между тем, вот уже много лет как Трипэ никому не делал никаких гадостей, а просто спокойно, хотя и бдительно, *наблюдал*. Обычно, если он ничего не записывал в свой блокнот, то был задумчив и непременно держал свои руки за спиной, даже когда сидел в кресле. Окружающие, видя сидящего в кресле человека со сложенными сзади руками, томилась от ощущения, как это должно быть ему неудобно, но за всю жизнь Трипэ так никто и не решился спросить, зачем он это делает. И еще изредка он говорил короткие весомые фразы, причем все им сказанное было если и не абсолютной истиной, то по крайней мере чем-то очень к ней близким. И уж во всяком случае, прав он был всегда.

Там в автобусе под взглядом Трипэ Николай Иванович почувствовал себя так, как будто ему в глаза направили яркую лампу, поднимают за подбородок и требуют немедленно сообщить, что он делал двадцать лет назад в пятницу вечером от девяти до десяти.

Николай Иванович, конечно же этого не помнил, а между тем, двадцать лет назад в пятницу вечером от девяти до десяти он сидел на своей кровати в 317-й комнате третьего корпуса физтеховской общаги в Долгопрудном и плакал над прибитым черным котенком. И это был один из немногих поворотных моментов в его смешной жизни.

3.

Первое, что его поразило, когда он прибыл в общежитие факультета аэрофизики и космических исследований (ФАКИ) была большая на всю стену фреска в фойе. На фреске был изображен сидящий полуголый человек, у которого вместо головы было что-то вроде кувшина, и этот кувшин как бы сваливался куда-то в бок, а на его место чья-то мощная рука двигала ярко горящий факел. В одной руке человек держал раскрытую книгу, а другой пытался подпирать падающую голову-кувшин. Фреска была свеженькой и яркой - видимо только что законченной.

Вторым потрясением для Коли оказался сухощавый человек в огромных очках, который со сложенными сзади руками, широко расставив ноги, стоял перед фреской и неторопливо перекачивался с пятки на носок и обратно.

- Что это? - решился обратиться к этому человеку Коля.

Не поворачиваясь и не изменяя ритма покачиваний, человек весомо сказал:

- Это наш общий лозунг.

После паузы длиной в три покачивания он разъяснил:

- Студент - это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь.

- Как здорово, - сказал Коля. - А кто это сказал?

Прострат Прокофьевич, а это был именно он, перестал покачиваться, повернулся к Коле, внимательно на него посмотрел и весомо произнес:

- *Здесь* это сказал я.

Разговор, казалось, был исчерпан, однако Прострат Прокофьевич продолжал пристально рассматривать Колю, и тогда же впервые вызвал у него ощущение, будто в глаза ему направляют яркую лампу...

Потом жизнь еще много раз сталкивала Колю с Пускаевым, который в то время занимал должность общего координатора по особым вопросам ФАКИ. Так уж вышло, что учился Коля чрезвычайно плохо, просто, как говорится, на грани вылета. И страдал он от этого неимоверно. Дни и ночи он сидел над книгами и конспектами, которые, кстати, вел в высшей степени исправно, трудился изо всех сил и даже установил себе режим сна по четыре часа в сутки, однако результат это давало нулевой, если не сказать отрицательный. Бывает так - ну не мог он *сам*. Ему было легче выучить наизусть весь учебник (что он собственно и делал), чем самому вычислить, куда же полетит эта проклятая ракета, если ей немного изменить угол тангажа. А между тем, проваленный экзамен больше двух раз пересдавать не разрешалось - это мог разрешить только сам Прострат Прокофьевич.

И на этой почве у них начали происходить разговоры. Собственно говорил один Коля - в силу свои природных свойств Пускаев мог произносить лишь редкие весомые фразы - но слушал он очень внимательно. А Коля говорил и говорил. И так уж он был устроен, что, начав говорить, он говорил обо всем и обо всех, и очень искренне. А Пускаев все это выслушивал, а потом вверенной ему властью разрешал пересдать экзамен.

Со временем Коля кое-как втянулся, и нужда в разрешениях на переэкзаменовку отпала, но так уж повелось, что Прострат Прокофьевич, по-прежнему, изредка вызывал к себе Колю и спрашивал у него, как дела. На этот ключевой вопрос Коля мог отвечать неограниченно долго и с радостью изливал свою душу, пока Пускаев его не останавливал. И жизнь продолжала идти мирно и спокойно, пока на физтехе не начали распространяться сочинения Боконона.

Началось с того, что как-то вечером в 117-й аудитории на первом этаже Главного корпуса кто-то заиграл Лунную сонату. Это был старинный почти столетней давности инструмент прекрасного звучания, хотя и совершенно разваленный. Однако играть на нем можно было лишь получив на то специальное разрешение, а кто мог дать такое разрешение, никто не знал. Поэтому старший инвентизатор Главного корпуса отставной полковник Препаратов расценил звуки, исходящие из 117-й аудитории как форменное

безобразия и сразу же взялся наводить порядок. За роялем сидел долговязый студент, который, играя эту грустную музыку, медленно раскачивался из стороны в сторону и мечтательно глядел в потолок.

- Кто вам разрешил это?! - гневно спросил старший инвентизатор.

Долгие годы до своей отставки полковник Препаратов возглавлял Долгопрудненский поголовный розыск и со всякими нарушителями порядка привык действовать решительно. Студент немедленно прекратил музицировать, сделался невыразимо печальным и, обреченно растягивая звуки, спросил:

- Ну по-че-му?...

- Не положено! - топнул ногой старший инвентизатор. - Уходите из аудитории!

- Да... но ведь если душа просит... то, наверное, можно?... - печально протянул студент.

- Ах ты щенок!... - Препаратов стал багроветь. - Я за тебя в войну кровь проливал!!! А ты... тут... мне...

На это возразить было трудно, и студент быстро ретировался. Тем более, что Препаратов, прослуживший войну в заградотрядах, действительно пролил много крови.

Информация об этом, казалось бы, ничтожном происшествии, тем не менее, очень быстро дошла до самого Ректора. Все дело было в этой странной фразе про душу, которая просит. Как раз накануне физтеховское начальство стало получать сигналы, что среди студентов стало распространяться непонятное сочинение некоего Боконона под названием "Если нельзя, но душа просит, то можно". В списке разрешенных изданий такая книга не значилась, а значит, была вредной и подлежащей искоренению.

Тем не менее, поначалу, ни физтеховское начальство, ни даже полковник Препаратов, не придали этому мелкому случаю с "Лунной сонатой" особого значения. Сам Препаратов имел богатый опыт работы в органах поголовного розыска и прекрасно знал, что все эти поклонники душевных химер, так или иначе, очень быстро отправляются на Север, где они имеют все возможности испытать свои убеждения реальной жизнью. В Программе Партии было ясно сказано: "Чудес не бывает", и там, на Севере, каждый мог в этом убедиться.

Между прочим, тот студент играл на рояле далеко не только из душевных побуждений, и про сочинения Боконона он тогда вообще еще ничего не слышал. В действительности, своим романтическим музицированием, он просто приманивал мечтательных девушек. Он прекрасно знал, что в час весеннего заката романтические девушки слетаются на "Лунную" как бабочки на свечку.

Затем было зафиксировано еще несколько несанкционированных музицирований в 117-й аудитории, однако теперь музыка прерывалась и пианист исчезал еще до того как в аудиторию врывается полковник Препаратов. Каждый раз он заставлял там лишь тающие лунные звуки и трогательный легкий запах духов. В конце концов, старший инвентизатор подобрал к роялю ключ и закрыл его на замок. Однако, затем события стали приобретать все более тревожный оборот. Было замечено, что студенты вместо обычного "пока", сплошь и рядом стали говорить друг другу "прощай" - и все потому, что где-то у Боконона было написано, что "слова прощанья никогда не могут быть ошибкой". Затем стали поступать сигналы, что в те дни, когда проходят занятия по военной подготовке, некоторые студенты носят на руках черную траурную ленту - иначе чем зловредным влиянием Боконона объяснить это было невозможно.

Дальше - больше. При том, что держать какую-либо живность в общежитиях было строжайше запрещено, десятки студентов вдруг увлеклись разведением черных котиков. Где-то у Боконона они вычитали: "Не можешь посмеяться сам - заведи черного кота - они все Чеширские". Это уже был открытый вызов властям. Ну и наконец во время праздничного Первомайского шествия произошел настоящий скандал, когда многие студенты вместо положенных им картонных плакатов с канонизированным изображением "счастливого студента" и "счастливая студентка" подняли большие

фотографии *своих собственных* улыбающихся лиц. И все из-за того, что у Боконона сказано: "если уж улыбаться, то с человеческим лицом". А это уже был настоящий бунт.

Вскоре на особом совещании у ректора МФТИ академика Белотерковского было принято ставшее в последствии знаменитым постановление "К вопросу о боконистской заразе". Было решено разработать конкретные меры для борьбы с этим дезорганизирующим явлением, и были назначены ответственные лица. Ответственным по факультету аэрофизики и космических исследований был назначен Прострат Прокофьевич Пускаев.

Это был первый случай, когда Прострат Прокофьевич пытался активно беседовать с Колей и направлять его монолог на интересующую его, Пускаева, тему. Между тем, Коля говорил о чем угодно, только не о черных котах и боконизме. Он рассказывал о своей глупости, о том, что ему нужно работать еще больше, о том, какую задачу он решал всю прошлую ночь, какой умный его сосед по комнате Женя, который щелкает такие задачки в пять минут, о том, какие хорошие люди сидят в читалке и какие легкомысленные ребята у него на этаже...

- Стоп! - сказал Пускаев. - Почему легкомысленные?

Тогда Коля стал говорить, что многие ребята, которых он знает, почти не занимаются, хотя некоторые при этом учатся неплохо, и это, наверное, он, Коля, такой глупый...

- Стоп! - сказал Пускаев. - Чем они занимаются?

Тогда Колю понесло о том, как беззаботно некоторые тратят свои жизни, интересуются всякими глупостями, хотя чувствуют себя при этом совсем неплохо, хотя все это, конечно, очень плохо, а он, Коля, все время работает, но у него ничего не получается...

Прошел час, а он не назвал ни одной фамилии и ни одной глупости. В какой-то момент у Пускаева даже мелькнула мысль, что может Коля все эти годы его просто дурачил и продолжает дурачить сейчас, но он тут же эту мысль отбросил как совершенно невероятную. Однако нужно было делать дело, поэтому Пускаев остановил Колю и спросил напрямик, кто в общежитии распространяет сочинения Боконона и разводит черных котов.

- Каких котов? - удивленно спросил Коля.

Истина состояла в том, что ни о Бокононе, ни о котах, которыми были заняты все вокруг, Коля даже не слышал.

- Боже мой! - ужаснулся про себя Прострат Прокофьевич. - С кем приходится работать!

Однако нужно было делать дело, и вот впервые Коля ушел от Пускаева не просто так, а с заданием узнать, кто из его знакомых разводит черных котов, и что об этом думают и говорят. И обязательно в письменном виде. Разумеется, Коля проникся убеждением, что все это для их же пользы. Не котов, а тех, кто их разводит.

К вечеру следующего дня на листке бумаги, вырванном из общей тетради, Коля написал следующий текст:

"В общежитии котов очень много и не только черных - есть несколько и в серую полосочку. Их все очень любят, потому что если их погладить, то они мурлычут, а черные еще и улыбаются. Их кормят кефиром с булочками. Н.И.Босак"

В тот вечер Пускаев впервые пришел к Коле в общежитие сам. Накануне у него состоялся очень нервный разговор с академиком Белотерковским, во время которого Пускаеву, тоже впервые, пришлось довольно много говорить в очень не свойственном ему тоне. А Белотерковский, наоборот, говорил лишь короткие, но радикальные фразы, при произношении которых у него подергивалась щека. И вот из-за того немногочисленного, что он услышал, а в особенности из-за той чертовой дергавшейся щеки, от которой у

Пускаева передергивались все внутренности, Прострат Прокофьевич пошел в общежитие сам. Очевидцы говорили потом, что у Пускаева был такой вид, будто он убьет первого, кто попадется ему на глаза. Это видимо почувствовали не только коты, но и люди, потому что в коридоре ему никто не попался.

А Коля в это время сидел в своей комнате и умилялся черным котенком. Он обнаружил его, свернувшегося калачиком, на своей кровати, когда дописал свой донос. Это маленькое трогательное пушистое существо доверчиво терлось о Колю своей головкой, тихонько мурлыкало и иногда лизало Коле руки. Когда Коля поставил котенку блюдечко и потянулся за кефиром, в комнату вошел бледный Пускаев.

- Ну что? - сказал Пускаев и тут же безумным взглядом уставился на котенка, который обнюхивал пустое блюдечко.

Волею судьбы Коля оказался единственным на земле человеком, который был свидетелем того, как Прострат Прокофьевич орет. За несколько секунд Пускаев из бледного стал серым, а потом он вдруг издал визгливый вопль:

- А-а-а-а! Тварь!!!

Прострат Прокофьевич схватил котенка и с размаху шмякнул его головой о железную спинку кровати. Брезгливо отшвырнув черный пушистый комочек на пол, Пускаев повернулся к Коле и, немного переведя дух, сказал:

- Ну что, написал? Давай.

Коля с минуту изумленными глазами смотрел на неподвижное черное пушистое пятно на полу у своей кровати, а потом перевел свой изумленный взгляд на Пускаева и как замороженный отрицательно покачал головой. А потом тихо добавил:

- Не-е...

- Тьфу! - зло и досадливо бросил Прострат Прокофьевич. - Кретин! - и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

После этого они больше никогда в жизни не разговаривали. И даже через двадцать лет, оказавшись рядом в автобусе, за три часа дороги они не сказали друг другу ни слова. Хотя к тому времени и тот и другой этот мелкий эпизод уже давно забыли.

А с котами тогда покончили очень быстро и просто. По остроумному предложению Белотерковского на вахте в общежитиях стали держать сторожевых собак. И это подействовало немедленно - коты сразу же разбежались.

4.

Как-то Коле приснился длинный-длинный сон - такой длинный, что он снился ему несколько ночей подряд. В этом сне было много разных несущественных деталей, но самым главным было то, с чего он начался. А начался он с того, что когда Пускаев сказал: "Ну что, написал? Давай...", Коля не покачал отрицательно головой, а молча перевел свой изумленный взгляд на стол. И Пускаев увидел его бумажку взял ее и ушел. И дверью при этом не хлопнул. Правда потом, когда он прочитал Колин донос, он все равно назвал его кретином, но только про себя. Вскоре он снова вызвал Колю к себе, и тот опять ходил по общежитию и смотрел по сторонам. В конце концов, он принес-таки номера комнат и несколько фамилий, из чего, собственно, ничего страшного не произошло.

Однако привычка смотреть по сторонам укоренилась, и он стал кое-что видеть. Он стал, например, замечать, что ребята обсуждают какие-то книжки, в которых нет ни слова, ни про объективное счастье, ни про ракеты. Что Вовочка частенько откуда-то возвращается только под утро - изрядно пьяненький, страшно усталый, но чрезвычайно довольный. Что его сосед по комнате Мишка все свободное время летает на планерах и мастерит с кем-то дельтаплан. Что над разными глупостями можно просто хохотать... Он постепенно стал замечать так много, что стал всем этим отвлекаться все больше и

больше, и вот однажды он как-то взял и проспал до обеда. И вдруг обнаружил, что мир от этого не перевернулся. А то, что он изредка сообщал Пускаеву, становилось все более осмысленным. И он замечал, что Пускаев им доволен. Только на душе от этого становилось почему-то гадко...

А один раз он заметил, как неприступная черноволосая красавица Галя целовалась в темной кухне с толстяком Виталиком, которого Коля до сих пор считал в высшей степени несерьезным человеком. После этого Коля почему-то не мог уснуть всю ночь.

Шло время, он видел все больше и больше, и вдруг увидел, что сам он просто нелеп. Он вдруг осознал, что его никто не принимает всерьез. И тогда ему приснилось, что после очередного разговора с Пускаевым, он вдруг почувствовал какое-то злорадное удовольствие.

А потом ему приснилось, что он напился и нес какую-то ерунду, а все вокруг были тоже пьяными, смотрели на него с глумливым изумлением и хохотали. А потом однажды вечером он пошел в клуб на первом этаже на танцы, где попытался силой поцеловать Галю, за что она съездила его по физиономии и брезгливо назвала соплей.

Вскоре после этого, он как-то заперся в своей комнате с толстой веснушчатой Маней. И хотя она совсем не сопротивлялась, он суетился и вел себя как-то страшно глупо. Потом они оказались в постели, и он не знал, как это делается, но она ему все показала. Потом она быстро как кошка забеременела, и они поженились.

Потом Коле снилось много всякой ерунды про то, как орало дите, и негде было жить, и как Прострат Прокофьевич помог ему получить комнату в общежитии. И как он получил довольно неплохое распределение, а Сашка - тот самый Сашка, который когда-то давно держал в своей комнате черного кота, а недавно собственноручно сделал и запатентовал прибор для дистанционного измерения температуры в камере сгорания - он почему-то нет, и поэтому был вынужден уехать куда-то в тмутаракань.

После этого ему снилось что-то долгое и размеренное, где все шло как-то само собой и почти без его, Николая Ивановича, участия. В этой фазе сон стал каким-то смутным и неясным. Он куда-то постепенно продвигался, что-то добросовестно выполнял и жил не хуже чем все.

Лишь два раза что-то всколыхнуло Николая Ивановича. Один раз, когда его сынишка пришел из школы, посмотрел на папу невинными глазами и спросил: "Пап, а Павлик Морозов поступил правильно?". И другой раз, уже под самый конец, когда ему приснилось, что в детстве он был барабанщиком...

А потом ему приснилось, что он умер, и на этом сон кончился. И больше никогда-никогда не повторялся.

5.

Испытание проводилось на территории бывшего колхоза, а ныне АО "Большевик" на безбрежных полях у Оки. Когда кортеж подкатил к новенькой, недавно забетонированной пусковой установке (ПУ) посреди только что убранного свекольного поля, там уже было все готово для приема контейнера. Эта часть подготовки экспериментального пуска не вызывала беспокойства у Крышкина. Все эти работы можно было проводить по хорошо отработанным схемам для обычных ПУ. Было даже проще, потому что не нужно было тянуть железнодорожную ветку и корчевать тайгу. Крышкин принял рапорт начальника вновь созданной сельскохозяйственной ПУ и вместе с другими членами комиссии стал наблюдать, как подъемник бережно опускает в шахту контейнер с ракетой.

Волновался перед испытанием не один Крышкин. Очень нервничал министр общесельхозмашстроя - заказчик проекта и главный инициатор всей этой затеи. Несколько лет назад, лишь заняв свой пост, он по молодости сдуру загорелся идеей

"догнать и перегнать другие министерства по выпуску продукции на штатную единицу" и стал выдумывать радикальные нововведения. Теперь отступать было поздно, и он с ужасом понимал, что если эта кошмарная система перейдет в его ведение, то министерство вылетит в трубу за один сезон.

Весь мир был укутан мелким морозящим дождем...

Подготовка шла четко и слаженно. Через несколько минут после доклада об установке контейнера в шахту, на ПУ прибыл эскорт, сопровождавший головную часть, в которой содержалось десять боеголовок с навозом. Пока ее устанавливали на ракету, пока шла рутинная проверка всех систем, и в ракету вводилось полетное задание, члены комиссии снова сели в автобус и отправились к бункеру, построенному в километре от ПУ. В ходе испытания навозному удару должны были подвергнуться несколько специально обозначенных участков в радиусе десяти километров. И хотя сами взрывы должны были происходить на довольно большой высоте, бункер, на всякий случай, был построен в расчете на прямое попадание.

После того как Крышкин нажал кнопку «Пуск», от людей уже больше ничего не зависело - отсчет времени, все предстартовые операции начала осуществлять автоматика...

6.

Все это происходило в то удивительное время, когда я еще был жив. Мир тогда был полон запахов и красок, но жизнь состояла из сплошных противоречий. В то фантастическое время цельный мир был раздроблен на великое множество Вселенных-людей, и эти маленькие Миры, смешиваясь, рождаясь и умирая, создавали в Природе удивительный колорит. Я тогда жил странными идеями - мне хотелось самому создавать свои маленькие Вселенные, а потом наблюдать, как они любят и ненавидят, создают новые и устраняют, по их мнению, лишние.

Все это выглядело как тихое незаметное движение, которое постепенно из девственной чистоты небытия проявляло нечто такое, что, даже находясь у последней черты, или наоборот, сидя у гаснущего камина в уютнейшем плетеном кресле, невозможно было просто представить, чтобы мысли, подобные, разве что, суетным метаниям беспокойного ума, будили бы целый рой столь же воображаемых, как и не менее реальных истин, которые имеют то несчастное обыкновение, один раз в жизни, скрутив в сумеречной комнате мягкими лучами оплывшей свечи, заставляют всматриваться в еще совсем недавно белый лист и побуждать доверчивых странников этого мира, видеть через него то, о чем писать просто невыносимо...

В то смутное время, когда я был жив, почти все маленькие Вселенные были устроены так запутанно, и поэтому совершенно не удивительно, что познакомившись с сочинениями Боконона, я в конце концов стал убежденным боконистом. Боконисты полагают, что все проблемы сущности бытия упираются лишь в то, чтобы каким-то образом помочь Господу Богу разобраться, зачем Он, собственно, существует. Более того, они убеждены, что Создатель все еще надеется понять смысл своего существования, и по каким-то причинам Он надеется сделать это с помощью людей. По этой причине боконисты считают своим долгом помогать не только своим ближним, но и самому Богу, дабы Тот не падал духом и не терял веры.

Возвращаясь к своему правдивому повествованию, хочу заметить, что вся эта история с Николаем Ивановичем стала серьезным испытанием для формулы моей веры. Мы познакомились с тогда еще студентом Колей много лет назад на физтехе вскоре после истории с черными котами. Коле тогда стало некому излить свою душу, и он избрал меня, просто потому, что я оказался единственным, кто был способен его выслушивать

больше пяти минут. Поначалу мне показалось, что, возможно, на какой-нибудь из первомайских демонстраций он подхватил СПУД - синдром приобретенного умственного дефицита - это тяжелое заболевание тогда было очень распространено, особенно в среде комсомольских активистов. Однако позже я понял, что это у него врожденное. С тех пор я регулярно впитывал его длинные бессвязные монологи, и постоянно находился в курсе всех его горестей и печалей.

7.

Пархом Парамонович полагал, что он готов ко всему: что эта ракета вместе со всей пусковой установкой взлетит на воздух, что она полетит куда-нибудь не туда и взорвется в воздухе, что она, в конце концов, просто никуда не полетит, а лишь прошипит в шахте. Однако то, что произошло, все-таки поставило его на некоторое время в тупик. Ракета взлетела, как ей и полагалось - грациозно, ярко, красиво, а затем, вместо того, чтобы на заданной высоте отстрелить боеголовки, она по ровной вертикальной траектории, набирая скорость, просто улетела куда-то в небо и там пропала. Спустя некоторое время приборы сигнализировали, что где-то на черт знает какой высоте произошло разделение головных частей. И это была последняя информация от улетевшего в неизвестность прибора.

Хотя спустя несколько минут оцепенение в мыслях каждого присутствовавшего сменилось бурей, никто так и не произнес ни единого слова. Стараясь не смотреть друг другу в глаза, члены комиссии стали тоскливо топтаться в поисках одиночества. Каждый начал производить лихорадочные вычисления. Как показало недалекое будущее, удачнее всех провел свои вычисления Пархом Парамонович. Николай Иванович наоборот, еще очень долго находится в шоковом состоянии и вообще не был способен думать.

Из бункера выходили тоже молча. Когда все угрюмо подошли к автобусу, с неба заморосил мелкий дождик буроватого цвета. И лишь тогда Пархом Парамонович глубокомысленно произнес первое с момента нажатия красной кнопки слово. Он подставил дождику ладонь, потом, прищурившись, бесстрашно посмотрел вверх и, ни к кому не обращаясь, ласково сказал: "Дерьмо..."

Любопытно, что в самых древних сочинениях Боконона дождь из дерьма и гнев Божий обозначались одним словом. К сожалению, в то беспмятное время, когда я был жив, это слово было уже утрачено.

Выйдя в Москве из автобуса, Николай Иванович потерянно остановился. Он все еще плохо соображал, но где-то в глубине его дефективной Вселенной уже началась мощная саморазрушительная работа. Его размышления сводились к следующей логической цепочке: ракета улетела слишком высоко; двигатель оказался более мощным чем нужно; мощность контролируется концентрацией металлических примесей; металлические примеси рассчитывал он, Николай Иванович; он сделал ошибку; по его вине весь отдел постигла катастрофа. Между отдельными пунктами этой цепочки Николай Иванович усматривал железную логическую связь, и вследствие этого он зажмурился и схватился за голову.

Может быть впервые в жизни, Николай Иванович стоял и не знал не только, как ему жить дальше, но и что ему делать непосредственно сейчас. Случай с Николаем Ивановичем, конечно, особый, но вообще мы, боконисты, считаем, что с точки зрения Божьего промысла за Истиной, такие моменты необыкновенно полезны. Мы их называем *состоянием перевала*.

Это состояние привело Николая Ивановича к тому, что он подошел к ближайшему телефону-автомату и набрал несколько цифр. Спустя довольно долгое время из трубки отозвался мелодичный женский голос.

- Марина... Это ты? - подавляя комок в горле, спросил Николай Иванович.

- Да, Коля. Как твои дела?... - не очень искренне поинтересовался голос.

- Марина... Марина... - голос у Николая Ивановича стал дрожать. - Мне очень плохо, Марина. Тебя можно увидеть? Для меня это очень... очень важно.

Голос в трубке на некоторое время неловко замолчал.

- Знаешь, Коля, - сказала Марина немного растерянно, - ты меня извини, но я сейчас никак не могу. Давай завтра вечером.

- Завтра... вечером... - упавшим голосом пробормотал Николай Иванович и впервые познакомился с тем специфическим ощущением, которое боконисты называют *изживательством* - это когда неизбежно нужно зачем-то прожить еще один день.

Марина с ее мелодичным голосом, с ее большими карими глазами, с ее черными шелковистыми волосами и ее мягкой улыбкой, которая в том мире, где я был жив, кого угодно могла сделать счастливым, - это была большая тайна, которую Николай Иванович поведал только мне.

8.

Женщину можно трактовать по-разному: ее можно боготворить, проклинать, делать вид, что она такая же как все, или наоборот - к ней можно относиться как угодно, но во всяком случае ее нужно принимать хотя бы как объективно существующую реальность, а Коля долгое время не делал и этого. Подобное отношение к женщине никому не проходит зря, и когда Коля, в конце концов, вдруг открыл для себя совершенно новую категорию природы, это привело к тому, что всякий раз он стал впадать в полушоковое немое состояние с вытаращенными глазами. Говорят, некоторым женщинам это нравится. Но не всем.

Свое великое открытие Коля сделал, когда еще был студентом, и произошло это не без моей помощи. Как и в любое другое время, когда я был жив, я тогда жил странными идеями - мне хотелось научиться летать - и в связи с этим, я тогда довольно часто встречался с двумя симпатичными ведьмочками. Одну из них звали Мария. У нее были длинные до пояса каштановые волосы и такие глаза, с помощью которых она из кого угодно могла сделать все, что угодно. Мария обожала летать и иногда брала с собой и меня. Другую ведьмочку звали Оська. При любой возможности она любила превращаться в совершенно очаровательную киску и либо забавлялась, тем, что к кому-нибудь ластилась, либо, чаще, с упоением лазила по черт знает каким верхотурам. У нее я брал уроки скалолазания.

В тот вечер Коля, как обычно, убеждал меня, что ему нужно работать еще больше, хотя он и так спит по четыре часа в сутки и уже совершенно не способен соображать. Было уже за полночь, когда ко мне в комнату влетела Мария. Как обычно в это время суток, она была в длинном черном с блестками бальном платье с глубоким вырезом и в руках держала веер.

- Привет, чудо! Давай смотаемся к чертям собачьим! - запыхавшись, выпалила она, а уже потом обратила внимание на Колю.

- А это что за чудо?

Она осторожно, как бы боясь вспугнуть, села на стул прямо перед Колей и стала с благожелательно-лукавым любопытством заглядывать ему в глаза то с одной, то с другой стороны. О, она это умела! Не знаю, этого ли она добивалась, но очень скоро Коля приоткрыл рот и перешел в полушоковое состояние с вытаращенными глазами.

- Это чудо зовут Коля. - сказал я.

- А что здесь делает это чудо-Коля? - растягивая слова спросила Мария и придвинулась к нему еще ближе.

- Он мне рассказывает, как у него дела.

- А-а-а-а... - мелодично протянула Мария, не отрывая глаз от Коли. - Ну и как у нас дела?

- Он спит по четыре часа в сутки и хочет спать еще меньше.

- А-а-а-а... - снова протянула Мария. - Ну что ж, сделаем... сделаем...

Бедный Коля все это время сидел выпрямившись, насколько позволяла спинка стула, и не смел даже моргнуть.

- Ну ладно, черт с ним. - Мария вдруг вскочила и повернулась ко мне.

- Так что, к чертям собачьим? - переспросил я.

- Ага! - уверенно сказала она.

И мы умотали. А Коля так и остался сидеть, выпрямившись по спинке стула. Правда, когда я вернулся к себе через три дня, его уже не было.

Прошло несколько дней, и Коля, как он полагал, совершенно случайно познакомился с Оськой. Было позднее воскресное утро, и Коля прохаживался по небольшой березовой роще неподалеку от общежития. Он мучительно думал, как объяснить, почему при торможении в верхних слоях атмосферы у аппарата, движущегося по круговой орбите, скорость не уменьшается, а наоборот, увеличивается. Оська в это время с блаженной ленцой трусила через рощу к полуразрушенной церкви, на колокольню которой она любила забираться каждым воскресным утром. Поравнявшись с Колей, Оська вдруг остановилась, внимательно на него посмотрела и вдруг, как бы что-то для себя решив, очень серьезно спросила:

- Привет. Ты кто?

С Колей случился рецидив - он стал таращить глаза, и его рот начал приоткрываться. Правда, на этот раз приступ *женостолбенения* оказался уже немного легче, потому что, в конце концов, Коля сумел промямлить:

- Я... Я... Ко... Коля...

- Я вижу, что ты Коля, - немного рассерженно сказала Оська, - ну и что из этого?

Она подумала немного и добавила:

- Ладно, побежали со мной.

И она, как ни в чем ни бывало, потрусила дальше. А обалдевший Коля, как это ни выглядело глупо, вынужден был побежать следом. Несколько раз он ее нагонял, пытался задавать какие-то бестолковые вопросы, но его попутчица снизошла к нему лишь один раз. С таким видом, как будто это все объясняет, она сказала:

- Меня зовут Оська.

Возле церкви, не обращая внимания на продолжавшего таращиться Колю, Оська сделала небольшую разминку, надела калоши и полезла по щербатой стене на верхотуру. Коля стал поднимать за ней голову, и от этого рот у него опять открылся.

Забравшись на первый ярус, Оська остановилась.

- Ну чего ты там? Давай сюда! - нетерпеливо бросила она вниз и присела на карниз в трех метрах от земли.

Глядя на Оську как загипнотизированный, Коля, одетый в брюки и ботинки, начал скрестись по стене. Поднявшись кое-как на метр, он посмотрел вниз, охнул и тут же свалился на землю.

Через несколько секунд Оська была возле него.

- Ничего... - говорила она, заботливо отряхивая Колю со всех сторон. - Мы научимся. Мы сумеем...

Потом она критически осмотрела его со всех сторон и сказала так:

- Ну ладно! Сейчас ты все равно ни на что не годишься, но в следующее воскресенье, чтобы надел спортивную форму и пришел сюда с калошами! Понял? - Ну, пока!

Тут она первый раз ему улыбнулась, махнула рукой и полезла наверх. Через минуту она добралась до колокольни и там пропала. Коля проводил ее глазами, подождал еще некоторое время, а потом медленно потопал домой...

Всю неделю Коле казалось, что в нем бродят какие-то удивительные, то сладкие, то щемящие чувства. В то одинокое время, когда я был жив, даже многим искусственным людям подобные чувства казались чрезвычайно сложными и даже, отчасти, противоречивыми. На самом деле это очень простое и цельное чувство - это ощущение, которое испытывает бездомная дворняга, которую погладил случайный прохожий. У нас, боконистов, оно называется *погладьеще*.

Через неделю Коля, разумеется, был снова у церкви. Теперь он был одет в синее трико, на ногах у него были кеды, и в руках он держал пару блестящих черных калош с подвязками, в поисках которых он пробегал по магазинам несколько дней. Ему, правда, пришлось довольно долго прождать свою наставницу, ибо у него и у Оськи было различное представление о том, что такое утро. В конце концов, Оська таки появилась, и Коля получил свой первый урок скалолазания и кроме того впервые услышал что-то про Синие Горы.

Потом они встретились еще, потом еще. Потом Оська стала приводить Колю к себе в 217-ю комнату седьмого корпуса пить чай. И хотя она безжалостно пресекала любые разговоры про ракеты и учебу, оказалось, что с Колей в общем-то иногда можно разговаривать. В тех разговорах и родилась идея символического спора, сумеет ли Коля после месяца тренировок самостоятельно преодолеть ту первую трехметровую стенку на церкви. Приз победителю, как это было принято в те романтические физтеховские времена, формулировался очень просто: "Проси что хочешь".

Это был единственный месяц в Колиной жизни, когда он только делал вид, что трудится над учебой. Еще немного, и он бы увидел, что мир от этого совершенно не собирается переворачиваться. Однако случилось так, что Коля слишком быстро научился вылезать на ту стенку - все-таки он был очень настырный. А после этого наступил момент, когда нужно было предъявить свое желание, о котором, если честно, у Коли не было ни малейшего представления.

- Ну?... - тихо сказала Оська, глядя ему в глаза.

Они были одни в комнате. Был вечер, на накрытом газетами столе тускло светила настольная лампа, по черному окну, поблескивая, неторопливо скатывались капли дождя. Оська стояла перед Колей вплотную, светлокудрая, такая красивая, такая таинственная. Она была очень серьезной в эту минуту и смотрела ему в глаза доверчиво и немного робко. Сердце бешено ухало, во рту пересохло. Нужно было сделать лишь небольшое движение навстречу...

- Ну?...

Их лица и глаза были напротив и совсем-совсем близко, так что можно было слышать теплое дыхание друг друга. Она стояла так близко, что, казалось, просто невозможно не взять ее за талию и не притянуть еще ближе. Лишь легкое движение навстречу...

- Ну?!...

9.

Как-то много лет спустя Коле приснился фантастический сон. Ему приснилось, что тогда, давно, он не убежал из оськиной комнаты красный как рак, бормоча что-то про учебу и поздний час, а все-таки сделал едва-едва заметное движение навстречу и тут же

ощутил на своих губах две мягкие теплые полоски, и его руки сами обняли ее за талию. Это продолжалось бесконечное мгновение, а потом Коля вдруг заметил, что он все-таки чуточку выше, чем она и обнаружил, что ее светлые кудри можно погладить и прижать к себе... Ужасное волнение и страх постепенно сменились ощущением силы и свободы, и ему стало сниться, что огромная свинцовая туча, подступившая вплотную, начала разваливаться на куски, и часть из них, подхваченная ветром, стала уноситься через седловину лежащего чуть ниже перевала в соседнее ущелье. Еще час назад там, внизу, можно было видеть огромное серо-голубое ледовое плато, похожее на застывшее море, покрытое легкой рябью небольших темных трещин. Гребень обрывался к нему крутым двухсотметровым откосом, и пока не пришла эта туча, можно было видеть все его пространство, охваченное справа цепью темных гор, а слева переходящее в светлые бугры вздымавшихся к Эльбрусу обширных ледовых полей.

Туча выползла откуда-то из далекой, едва видимой зеленой долины, куда разорванными ледопадами и тонкими струями десятков рек вытекало ледовое море, и, урча свинцовыми внутренностями, поползла к Горе. Сидя на гребне, можно было видеть ее всю как в разрезе, от клубящейся сверху ослепительно белой ваты, до пепельно-синей полосы дна. Туча разбухала и пожирала все вокруг. Пропал в ее чреве треугольный скальный пик, всегда стоявший как маяк на левом берегу моря, такой одинокий в этом безбрежном ледовом царстве, скрылись разломы ледопада, поднимавшегося к северным склонам Эльбруса, а потом растворился в серой пелене и похожий на кита профиль далекого лавового потока. И лишь белоснежная башня Горы по-прежнему ослепительно сияла в лучах заходящего солнца, недоступная никому, даже этой громадной туче.

Ветер замер. Проглотив все ледовое море, туча подползла к самому гребню, и вот когда, казалось, весь мир должен был с грохотом расколоться, туча не выдержала своей массы и стала разваливаться на части. Ее куски потянулись через седловину перевала куда-то вниз в темноту. Потом перевал захлебнулся этой серой массой, и туман стал подбираться все выше и выше по острому клину гребня. Белоснежный кудрявый верх тучи тоже развалился, и его мутные бесформенные куски стали быстро проноситься над той дальней частью гребня, где почти на самом острие рядом со вздыбленными голубыми волнами ледопада стояла палатка.

В густевших сумерках начался хаос. Рваные куски тумана метались во все стороны, и в этой свистопляске потонули горы и льды. Больше нельзя было понять, что где - и вверху и внизу плавали, кружились, сталкивались и рвались то белесые, то синие пятна, и лишь недоступная башня вершины еще изредка проглядывала сквозь разрывы, а потом пропала и она.

Больше ждать было нечего, и он полез в палатку. Дрожа всем корпусом, этот слабый домик держал ветер. При порывах, полог палатки начинал реветь как реактивный двигатель, а сама палатка напрягалась так, что казалась твердой. Потом к реву полога добавилось лopotание дождя. Все это повторялось каждый день, и поэтому, не обращая внимания на ветер и дождь, он залез в спальный мешок и стал мирно засыпать.

Вот уже который день он был один на один с Горой, и вот уже который день Гора не пускала его к себе. В том, что Гора его так упорно останавливала, видимо был какой-то смысл - он это чувствовал, потому что привык относиться к Горе с почтением и уважал Ее мнение. Но на этот раз, он *должен* был идти вперед, и Гора должна была, в конце концов, это понять.

Уже почти засыпая, он вдруг резко проснулся, потому что в природе неожиданно наступили тишина и оцепенение. А потом, начав с отдельных резких ударов, на палатку с нарастающей интенсивностью начали падать тяжелые капли. Не торопясь, но уверенно и ровно дождь и ветер начали наращивать темп, и уже через минуту все ревело и металось с бешеной силой. А потом где-то совсем рядом полыхнуло и хрястнуло так, что он невольно втянул голову в плечи и на секунду оцепенел. Это было уже нечто новое.

Защитный полог оторвало сначала с одного конца, он немного потрепыхался и улетел куда-то в небытие. Палатка быстро наполнилась густой водяной пылью, ибо лупившие струи с легкостью пробивали ее насквозь. Почти ежесекундно крошечная тьма раскалывалась ослепительными вспышками, которые на мгновения выхватывали его из черноты в разных напряженных позах. Когда приступ, казалось, достиг наивысшего напряжения, порывы ветра вдруг прекратились, и он подул так ровно и с такой силой, что палатка просто застыла и напряглась как в последней предсмертной конвульсии. Ее затравленный обитатель рванулся было на помощь и стал изо всех сил держать стойку, но потом быстро осознал, что в этой схватке сильных его жалкие усилия не имеют ровно никакого значения. Он уже не мог повлиять на исход борьбы и вынужден был довольствоваться ролью пассивного, хотя и крайне заинтересованного наблюдателя.

Неизвестно, сколько прошло времени, и вдруг что-то опять изменилось. Дождь и ветер стали как будто спокойнее, ровнее. Казалось, Гора собирает силы для последнего сокрушительного удара. Зловещее затишье тянулось минуту или две, и вдруг вся Вселенная вспыхнула таким бешеным светом, что за ним даже не было слышно жуткого треска разлетающихся кусков. Это было уже не где-то рядом - это было везде, и в самой палатке, и внутри него самого. Прошла секунда или две после того ужасного мгновения, и лишь тогда он, наконец, расслышал свой собственный вопль: "Не-е-е-е-ет!!!", адресованный, как он сразу понял, не куда-то в природу, а непосредственно и лично Создателю.

Потянулись долгие мгновения. Он весь напрягся и ждал... И вдруг вся Вселенная и он сам - лично он! - опять взорвались бешеным светом и треском...

Он больше не кричал. Он просто лежал и переживал те потрясающие мгновения, которые боконисты называют *ощущением всего себя*, когда ты, лично ты, именно такой как ты есть, доподлинно знаешь, зачем ты может быть еще останешься жить на этом свете.

А потом он вдруг почувствовал, что все кончилось. Ветер стих, дождь сменился каким-то легким шорохом, и он сразу же уснул.

Проснулся он посреди какого-то полусумрака и жуткого холода. Приглядевшись, он обнаружил, что палатка смята, что потолок ее пригнулся почти к самому полу, и лежит он в какой-то норе. С трудом расстегнув обледенелый выход, он увидел перед собой белую стену снега. Он быстро прорыл проход наверх и высунулся наружу.

Весь мир был ослепительно белым и новым. Не было больше ни голубых ледников, ни темных гор - вместо них была одна девственная белизна. А сверху не было ничего кроме глубокого синего неба. Сияющая, как и весь окружающий мир, Гора приветливо улыбалась. Она больше не сердилась - Она поняла, что ему нужно идти вперед.

От неожиданности он даже зажмурился. А когда он снова открыл глаза, то увидел над собой картонный потолок своей черноголовской комнаты, потом увидел забрызганное дождем окно, за которым что-то начинало светать, услышал тяжелое тиканье будильника, готового вот-вот взорваться звоном, и понял, что пора вставать и бежать на работу.

Да, я понимаю - это было ужасно. Но ведь это лишь в первое мгновение - потом он все равно немедленно все забыл.

10.

Существует красивая легенда, будто поселок Черноголовка был основан потомками древних шумеров. Дело в том, что давным-давно, на рубеже третьего и четвертого тысячелетия до нашей эры, обитатели земель Шумера и Аккада называли себя

черноголовыми (по шумерски *санг-нгига*), и именно это самоназвание они пронесли через тысячи лет, частью осев на Кавказе под видом сванов, а частью - на землях нынешней Черноголовки. Благодаря протекавшим здесь двум небольшим речкам они приняли это место за свое родное Междуречье, справедливо решив, что за тысячи лет великие реки Тигр и Евфрат вполне могли изрядно обмелеть, а их гнусная болотистая пустыня могла, в конце концов, зарости красивым еловым лесом, тем более, что их родные болота при этом никуда не делись. Любопытно, что перевернутое название поселка, а именно, *головкачерная*, в шумерском варианте звучало бы как *нгига-санги*, что в обратном переводе с шумерского означает "*край непуганых идиотов*", и именно так именовали Черноголовку в эпоху позднего застоя.

Так или иначе, но исторический период жизни Черноголовки, который можно с большой степенью надежности восстановить как археологически как, отчасти, и документально, начался с середины пятидесятих годов этого столетия. Этим временем датируется постройка таинственных ровных как стрелы бетонных полос в глубине так называемого Заколдованного леса на юг от поселка, а также появление в глубине этого леса многочисленных гигантских воронок, которые, как полагают, возникли в результате испытаний сверхтяжелых взрывных устройств, назначение которых так до сих пор и не установлено. Кстати, эти таинственные взрывы, хотя и с меньшей интенсивностью, продолжались вплоть до самого конца эпохи застоя. Шумеры, вообще, любят пошуметь.

Расцвет Черноголовки начался в период раннего застоя. В это время было завершено строительство первых трех улиц поселка, которые в типично шумерском стиле были названы просто и незамысловато: Первая, Вторая и Третья. Примерно в этот же период зафиксированы самые первые эксперименты в архитектуре, венцом которых стало строительство знаменитой Колбасы - длинного слегка изогнутого четырехэтажного здания, практически перегородившего весь поселок на две части.

Период среднего застоя характеризуется бурным развитием ирригации. Оказалось, что богатый опыт рытья каналов, накопленный тысячи лет назад в пустынном Междуречье, передаваясь генетически из поколения в поколение, сохранился и, наконец, нашел свое применение снова, теперь уже в бассейне рек Черноголовка и Загребка. На совершенно ровном месте было вырыто красивое озеро Южное, а затем, несколько позднее, - огромное живописное озеро Восточное. Оба озера были соединены с речной системой сложной сетью каналов. Одновременно с появлением Южного озера на краю Заколдованного леса выросла огромная двуглавая песчаная гора, на склонах которой вскоре появился горнолыжный подъемник.

В период среднего застоя было завершено строительство монументального архитектурного ансамбля красного кирпича, известного как Бастилия, в которой, ввиду невозможности более адекватного применения, были размещены гостиница и аспирантское общежитие. В это же время был построен относительно скромный Дом Ученых Мужей (ДУМ) и был заложен самый претенциозный черноголовский архитектурный монстр - колоссальных размеров Черноголовский Универсальный Магазин (ЧУМ), строительство которого с перерывами продолжалось вплоть до конца периода позднего застоя и так и не было завершено. ЧУМ стал археологической гордостью Черноголовки, и между прочим, в то изобретательное время, когда я был жив, он стал источником немалых поступлений в поселковую казну благодаря бесчисленным туристам, приезжавшим со всего света взглянуть на его выдающиеся развалины. В конце периода среднего застоя по Заколдованному лесу была проложена освещенная лыжная трасса, в самом начале которой, рядом с Южным озером был установлен знаменитый рубильник с надписью "Уходя, гасите свет!"

Период позднего застоя характеризуется нарастанием симптомов упадка. К торцу милой очаровательной Колбасы было пристроено уродливое псевдомодернистское строение из стекла и кирпича, в котором разместилось учреждение с сюрреалистичным названием Управление Эксплуатации. На обширной территории примыкающей к

старому доброму ЧУМу вырос целый квартал разноцветных картонных девятиэтажек, за которым прочно закрепилось название Гетто. С наступлением эпохи смуты разрушительные процессы усилились. Величественные развалины ЧУМа стали ветшать, зарастать травой и деревьями. Картонные дома, за неимением средств, перестали покрывать лаком, и из-за постоянной сырости они начали набухать и коробиться. Постепенно все лампочки с освещенной трассы в Заколдованном лесу были похищены, а потом исчез и рубильник и даже плакат с надписью "Уходя, гасите свет!". В истории Черноголовки наступили темные времена.

Николай Иванович добрался к себе домой в Черноголовку, когда уже смеркалось. Весь день он бесцельно бродил по Москве и, не зная как ему теперь жить дальше, впервые в жизни внимательно осматривался по сторонам, надеясь увидеть что-нибудь ободряющее. Это было большой ошибкой с его стороны, потому что к концу своей прогулки ему стало ясно, что вся Москва - в дерьме. Самое печальное, что этот неприятный факт, уже давно ставший будничным для остальных жителей, Николай Иванович записал на свой личный счет. В довершение к этому, по приезде в Черноголовку он снова осмотрелся по сторонам и впервые в жизни заметил грандиозные развалины ЧУМа, которые, кстати, располагались всего лишь в двух сотнях метров от его вылинялого голубого дома. Поскольку по дороге с испытания было много разговоров о том, что не дай бог какие-нибудь из боеголовки долетят, не разорвавшись, до земли и причинят разрушения, впечатлительный Николай Иванович немедленно решил, что полуразрушенный ЧУМ - это тоже его рук дело.

Раздавленный чувством вины, Николай Иванович, не раздеваясь, весь мокрый и грязный сел за стол и стал тупо слушать будильник. За картонной стеной его сосед Сейфуль сидел перед телевизором и ел котлеты. Котлеты были только что изжаренные, с румяной корочкой, в них было много чеснока и зажаренного лука - Сейфуль знал толк в котлетах. Телевизор, тем временем, разными голосами громко дискутировал сам с собой, о том, что кроется за обращением депутата Казановы к Государственной Думе в котором он призвал в срочном порядке принять закон о любви и на этом закончить свою работу навсегда. На кухне возилась Марфа, жена Сейфуля. Она жарила котлеты, мыла посуду, вытирала с подоконника пыль, поливала цветы, шинковала капусту, накручивала бигуди и мучительно размышляла о том, покупать или не покупать осенние сапоги, которые ей предложили на работе. Соседи сверху за толстым картонным потолком, как обычно, включили примус и стали громко ругаться. Когда-то давно в своей молодости они включали примус, чтобы никто не слышал, как они целуются. С тех пор прошло много лет, и целоваться они давно перестали, но вот привычка включать примус осталась.

Через некоторое время остававшиеся в Николае Ивановиче здоровые силы сделали очень мудрую вещь - они повернули в нем какой-то выключатель, в результате чего он, не раздеваясь, лег на кровать и уснул.

11.

Ночью Николаю Ивановичу приснилось, что он идет в толпе людей к центру огромной асфальтированной площади к яркому факелу огня. В окружающем мире было совершенно темно, и этот негасимый огонь казался единственным источником света - чем-то вроде факела Истины, и люди стекались к нему как мухи на свечку. Подойдя поближе, Николай Иванович увидел, что это огромный жаркий костер, а люди все сходились и сходились, сбиваясь вокруг в плотный комок. Сжатый со всех сторон, Николай Иванович вместе с толпой медленно двигался к центру. Перед тем как языки пламени заслонили все вокруг, он успел бросить взгляд вверх и вдруг увидел там тысячи

звезд. Но подумать о том, что же они могли означать в окружающем мире, он не успел. В последнее мгновение перед ним открылся грандиозный костер из человеческих тел, и сразу же он сам оказался в огне. Ужасающий жар охватил все его тело. Станным образом, он чувствовал, как горят и растворяются в огне его члены, как потрескивают его кости, как шипит и кипит его кровь. И еще он чувствовал, что превращается в дым, в ничто...

Он еще долго корчился на своей кровати, а потом, уже под утро, когда от него не осталось ничего кроме теплого дыма, ему приснилось, что его целует и обнимает Марина.

- Возьми меня... - шептала она ему на ухо и сладко щекотала своими шелковыми волосами. - Ты боишься? Возьми меня... Будет так сладко и хорошо... Возьми меня... Возьми меня... Возьми...

- Эх, Коленька, - слышал он угасавший голос, - дурачок... Ты просто кретин...

А он все растворялся и растворялся среди неживой природы, а потом пошел мелкий дождь и смыл остатки. Вокруг не осталось ничего кроме картонной комнаты с голой лампочкой под потолком.

12.

Утром Николай Иванович почувствовал себя лучше. У него внутри даже затеплилось что-то вроде неясной надежды: "А может там еще как-нибудь и ничего?...". Репродуктор на столе начал сообщать утренние известия, а из-за стены послышалась характерная возня и недовольное сонное бормотание Сейфуля, которого Марфа будила тем, что сдираала с него одеяло. Короче, утро началось самым обычным образом. Чтобы не углубляться в анализ предыдущего дня, Николай Иванович незаметно для себя разделся и сделал зарядку. Что бы ни происходило, он каждое утро совершал один и тот же оздоровительный ритуал, твердо веря в его полезность.

Когда Николай Иванович варил себе на кухне два яйца, из комнаты соседей раздался обреченный вопль Сейфуля, и появилась Марфа, небрежно запахнутая в халат и пахнущая постелью. В руках она держала одеяло, которое ей таки удалось стащить со своего супруга. Полная тягостных раздумий о том, какая она все-таки дура, что размечталась вчера о сапогах, Марфа механически кивнула своему соседу и начала быстро-быстро суетиться. Когда Николай Иванович покидал кухню, она уже жарила яичницу с ветчиной, присыпанную зеленым луком, подкрашивала на щеках румяна, собирала в сумку вязание, которым она занималась на работе и напевала "проснись и пой, попробуй в жизни хоть раз!...".

В своей комнате Николай Иванович, тщательно пережевывая, съел два яйца всмятку, про которые он точно знал, что они усваиваются стопроцентно, и запил их напитком, который, веря этикетке, он считал кофе. Употребив завтрак, Николай Иванович все убрал, вымыл посуду, затем одел белую рубашку, ярко-зеленый в розовую полосочку галстук и, наконец, свой знаменитый на весь Институт, похожий на старинное пианино черный костюм. Затем Николай Иванович выключил репродуктор, с минуту послушал уверенную целеустремленную работу своего будильника и отправился на работу с мыслью мужественно встретить суровый приговор общественности. Что будет потом, его мыслительные центры, работавшие в ограниченном режиме, предсказывать отказывались. Поэтому, едучи в своем 320-м автобусе, зажатый со всех сторон сонными бормочущими телами, он всю дорогу мечтал о том, как он будет разговаривать с Мариной.

Между прочим, в то скученное время, когда я был жив, в ползавших по Москве битком набитый желтых автобусах было принято петь хоровые песни. Эта традиция появилась в те далекие годы, когда в стране бушевала жестокая эпидемия СПУДа, и как следствие, в кодексе об административных нарушениях появилась запись: "Если собираются вместе более пяти человек, то это либо банда врагов, либо хор". С тех пор много чего изменилось, да и инструкция эта давно забыта, но вот автобусная привычка что-то хором бормотать сквозь сон, осталась.

Увы, слабые надежды просуществовали внутри Николая Ивановича лишь до того момента, когда он вошел в свою рабочую комнату. Там он сразу же узнал, что результаты испытания оказались еще ужаснее, чем кто-либо ожидал. Подлая, почему-то все еще работающая система ПВО съядедничала, что ракета вовсе не "улетела в неизвестном направлении", как то было первоначально доложено наверх заинтересованными лицами. Сильно отклонившись в северном направлении, ракета по кривой траектории поднялась на высоту около трех километров и успешно выполнила свое полетное задание прямо над Москвой.

Как ни странно, в отделе царило радостное возбуждение. Дело в том, что может быть впервые в жизни этим людям удалось что-то *сделать*. Говорили, сам Президент был разгневан - его тоже немножко окропило, прямо на территории Кремля.

На Николая Ивановича никто не обращал никакого внимания, а между тем, у него внутри снова раскрутилась мощная саморазрушительная работа. Застигнутые врасплох здоровые силы его организма не успели вовремя заблокировать мыслительные центры, и поэтому, наблюдая теперь за происходящим вокруг, он начал его интерпретировать исключительно с точки зрения собственной главной виновности. Сидя затравленно за своим столом в углу комнаты, он видел все новые и новые признаки презрительного отношения окружающих. Терпя ужасные муки, он просидел так до самого обеда, а потом, не вынеся всеобщего презрения, просто ушел с работы.

Если бы Николай Иванович задержался еще хотя бы на час, то он узнал бы то, что стало известно его коллегам от вернувшегося с какой-то высокой аудиенции Крышкина. А именно, что испытанное "изделие" после доработки станет многоцелевой ядерной миной, что на его доработку выделяются огромные деньги, и что в недалеком будущем их система должна быть развернута на территориях вероятной временной оккупации потенциальным противником. Почти никто в Институте даже не обратил на это внимания, а между тем, в тот же день табличка с надписью "НИИ Тепловых Процессов", несколько лет провисевшая у главного входа, была снята, и теперь, как в старые добрые времена, с улицы можно было видеть только большие лепные буквы под крышей главного корпуса за высоким зеленым забором: "Научно Исследовательский Институт Сельскохозяйственного Машиностроения". Времена овощерезок безвозвратно уходили в прошлое, и Крышкин оказался одним из первых, кто краешком своей тренированной интуиции это почувствовал.

13.

Боконистский канон, кроме сочинений самого Боконона, включает в себя также и Библию, и Коран, и Талмуд, и Веды, и книги Лао-Цзы, и сочинения Конфуция, и вообще все остальные книги, когда-либо написанные людьми. Ибо все это суть разные грани единой Истины, которую еще предстоит постигнуть. Однако боконистский канон включает в себя и другие книги. Эти книги - города, которые сочинил сам Бог и исполнил руками людей. В отличие от книг, написанных людьми, к ним нужно приходиться самому, и их нельзя унести с собой. Книги-города бывают самые разные:

веселые для забавы и поучительные, увлекательные для легкого чтения и романтические, есть книги-города с очень сложным сюжетом и города-импровизации. Есть священные книги-города Лхаса, Иерусалим, которые были написаны, чтобы направить людей в их трудных поисках Истины. А Москва - это обращенная к людям величественная скорбная драма, и поэтому считается, что каждый боконист для испытания своей веры должен хотя бы раз в жизни совершить сюда паломничество.

Случилось так, или как говорят боконисты, должно было так случиться, что, отправившись бесцельно бродить по городу, Николай Иванович прошел через некоторые замечательные места, которые каждый боконист непременно должен увидеть, прочесть и прочувствовать.

Сначала он довольно долго слонялся по хаотическим кварталам так называемого Постылого Города, представляющего собой широкий пояс из заборов, стен и труб большого диаметра, который протянулся между древним Внутренним Городом и так называемым Бумажным Городом картонных новостроек. В конце концов, Николай Иванович выбрался на магистральную улицу Горемыки, которую в древности называли Тверской, и двинулся к центру. Затем он миновал площадь Поэта-Молотобойца, вошел во Внутренний Город, добрал до Пушкинской площади и здесь обессилено опустился на скамейку. В своих передвижениях он, собственно, никуда не направлялся. Единственное, чего он хотел, это куда-нибудь спрятаться от поголовно осуждавших его людей. Однако скрыться Николай Иванович, конечно же, никуда не мог. Дело в том, что Москва – это такой город, в котором совершенно некуда деться.

Не все об этом знают, но среди великого множества московских площадей, боконисты особо выделяют именно Пушкинскую площадь - здесь они обычно отдыхают от трудного чтения. При всех своих отличиях каждая московская площадь содержит чей-либо памятник, и каждый такой памятник обязательно куда-нибудь устремлен. При этом все статуи устремлены в совершенно разные (но не случайные!) стороны, и это создает сильное эмоциональное напряжение. Бронзовый Поэт на Пушкинской площади - единственный, кто просто стоит, печально опустив голову. Кроме того, Пушкинская площадь - единственное место в Москве, где возле памятника и вокруг фонтана лежит асфальт *розового* цвета - пусть короткое, но все равно ободряющее напоминание, что жизнь в этом мире - не обязательно драма.

Николай Иванович растерянно огляделся по сторонам, увидел печальную задумчивость на лице бронзового Поэта и опять, в который раз, стал задаваться вопросом, как же ему теперь жить дальше, куда ему идти? А идти ему оставалось лишь к Марине. Милая любимая Марина была его последней надеждой. Теперь, увы, это уже не было *состоянием перевала* – теперь Николай Иванович совершал пикирование с заклинившим управлением, когда, все, что остается, это выглядывать в окошко – далеко ли еще до земли?...

До вечера было еще долго, и чтобы как-то растянуть время, он решил отправиться пешком. Повернув от Тверской налево, Николай Иванович засеменил по аллеям Бульварной улицы. Небо здесь пряталось за густыми кронами деревьев, и от этого на душе у него стало почему-то спокойней. Лишь дойдя до конца, где бульвар упирался в какие-то незнакомые путаные кварталы старых обшарпанных домов, он понял, что зашел куда-то не туда. Николай Иванович скверно знал Москву, и поэтому ему пришлось довольно долго бродить по узким улочкам среди старинных двухэтажных домиков, выстроенных некогда из пепла древних пожарищ.

Это очень интересное место - их в Москве осталось совсем немного. Существует красивая легенда, что когда-то давным-давно, во времена бесчисленных войн и междоусобиц, жители Москвы придумали простой способ спасти свои жилища от пожаров: они стали строить дома из пепла, ибо гореть может все что угодно, но только не пепел. Легенда гласит, что некогда вся древняя Москва была застроена такими домами, и в результате город перестал бояться вражеских набегов. К сожалению,

древняя Москва была затем почти полностью разрушена самими же ее жителями во времена жестокой эпидемии СПУДа, когда все поголовно потеряли разум.

В конце концов, Николай Иванович выбрался из хитросплетения старинных пепельных переулков и вышел на огромное пространство, где среди необъятных асфальтовых полей на берегу реки стоит грандиозная серая химера шпилевого дворца, названного некогда красивым словом Иллюзион. Этот дворец - одно из семи схожих между собой чудес Москвы, особо почитаемых боконистами. Издали напоминающие величественные египетские пирамиды, а вблизи - серый первозданный хаос, они высятся в разных концах города, одинокие, безучастные к городской суете, рассказывая тем, кто умеет слышать, предания о бренности жизни. Однако никто, ни стекающиеся к ним со всего света паломники, ни тем более, их нынешние обитатели, не в силах охватить, ни взором, ни разумом, громадность серого пространства, все эти строгие вертикальные ряды бесчисленных окон, напряженный рельеф циклопических стен и шпилевых взлетов, холодные узоры лепных фигур и цветов. Не в пример строителям древних храмов, которые в цемент добавляли лишь яичный желток, строители дворцов для особой прочности добавляли в постройку человеческую кровь, для сбора которой по всей стране тогда работали донорские пункты. Именно из-за этого все подобные сооружения имеют такой характерный серый цвет.

Спешащие по своим делам горожане, уже давно не замечают громадины дворца Иллюзион, потоки пешеходов и машин безразлично омыают его со всех сторон и катятся дальше по руслам улиц и набережных. Лишь паломники с благоговением посматривают ввысь на далекие, теряющиеся в пелене дождя шпили и, согласно ритуалу, не спеша обходят дворец вокруг по часовой стрелке. Они идут вдоль всего периметра, держась руками холодных стен, изредка вздыхают, качают головами и бормочут свое боконистское: "дела, дела, дела...". Ибо они *переживают* свидетельство того, что великий хаос можно создать лишь целенаправленными усилиями тысяч людей.

Увидев перед собой обширные асфальтовые пространства, Николай Иванович остановился, с удивлением внимательно рассмотрел Иллюзион, буркнул про себя: "Надо же...", и заторопился вдоль набережной реки прочь от серой громадины. Опять не замечая ничего вокруг, он прошел вдоль зубчатых стен Кремля и уперся в еще одно асфальтовое поле.

Асфальтовые поля - это, пожалуй, самые трудно читаемые места города. Легенда гласит, что в катастрофическое время эпидемии происходили разрушительные *градотрясения*, в результате которых масса старых домов погибла. Поскольку тогда люди перестали понимать даже самые элементарные вещи, то о восстановлении погибших построек, конечно, не могло быть и речи. Поэтому, гласит легенда, развалины разбирали, а освободившиеся площади просто заливали асфальтом. Говорят, именно тогда в программе Партии появилось основополагающее утверждение: "Решение всегда есть".

Дальше Николай Иванович проследовал по какой-то небольшой улочке и вскоре вышел на открытое возвышенное место. Слева от улочки лежал необъятного размера провал. Это был известный каждому боконисту знаменитый Котлован. Создание этого величайшего из памятников Дворцового периода связано с одним из самых дерзких проектов преобразования Москвы, разработанного в самом начале распространения эпидемии, когда болезнь протекала наиболее остро. Проект предусматривал строительство одного колоссального дома, в котором могли бы разместиться все жители города. Сведений о том, как происходило рытье Котлована, сохранилось очень мало. Известно, что постепенно дно Котлована ушло значительно ниже уровня грунтовых вод, однако, несмотря на все трудности, работы в нем продолжались до самого конца Дворцового периода. Так или иначе, но в то прагматичное время, когда я был жив, на дне Котлована устроили открытый бассейн, в котором совершали ритуальные омовения все приходившие в Москву паломники.

Николай Иванович снова ненадолго пришел в себя, понял, что он опять забрел не туда и повернул назад. Вернувшись к асфальтовому полю, он повернул направо и по широкому каменному мосту перешел на другую сторону реки. Справа сразу за мостом стояла темно-серая многоэтажная громадина, известная как Дом-на-Набережной - один из самых замечательных памятников Раннедворцового периода.

Строгая хаотичность и массивность форм глубоко и бесстрастно передают характерные для того времени мотивы восприятия жизни, однако, из-за отсутствия шпилья эти мотивы здесь еще не достигают своего завершения, и поэтому Дом-на-Набережной лишь как бы подготавливает вдумчивого читателя к восприятию дворцов. Этот дом интересен еще и тем, что в нижней части он весь облеплен барельефами бывших его обитателей. Существует красивая легенда, будто во время эпидемии в этом доме бесследно исчезали люди, а все остальные немедленно о них забывали. Постепенно дом стал наполняться призраками бывших его обитателей, которые по ночам бродили по лестничным клеткам, стучали дверьми и всячески пытались напомнить о себе оставшимся в доме жильцам. В те времена в программе Партии даже появилась отдельная запись: *«призраки - это форма несуществования белковых тел»*, но разве от этого легче? Легенда гласит, что призрак успокаивался лишь после того, как на стене дома устанавливался его барельеф. Однако, в то беспмятное время, когда я был жив, дом все еще был полон призраков, и многим они по-прежнему мешали спать.

Николай Иванович вошел в квадратную арку Дома-на-Набережной и направился к подъезду в дальнем углу двора. Здесь, на четвертом этаже жила его Марина.

14.

В то ностальгическое время, когда я был жив, в Москве на Красной Пресне существовал маленький кинотеатрик мультфильмов под названием Баррикады. Кинотеатрик стоял прямо у основания громадины шпилевого дворца, светившегося по вечерам тысячами окон. Рядом с ним даже трудно было различить небольшой двухэтажный домик, где в фойе вечерами играл небольшой джаз, щуплый улыбчивый старичок с трясущейся нижней губой вырезал ножницами из черной бумаги профили симпатичных девушек, а со стен смотрели куклы Чебурашек и картинки Винни-Пухов. Здесь каждый вечер толстая певица с ярко накрашенными губами ненавязчиво пела об ушедших днях, детишки и взрослые ели мороженое с вареньем, а потом все рассаживались перед потрепанным экраном и смотрели веселые истории о том, что куда-то "катится, катится голубой вагон".

И джаз, и старичок с ножницами, и многое другое сгинули еще при моей жизни, но в то время, когда постепенно тайком от себя и сослуживцев завсегдатаем Баррикад стал Николай Иванович, все это еще было. Он приходил сюда раз в неделю по субботам, съедал мороженое с клубничным вареньем, выпивал стакан яблочного сока, затем поднимался на второй этаж и там до начала сеанса с увлечением играл в шашки.

Проигрывая, Марина злилась, а Николай Иванович хохотал и подпрыгивал на стуле. А когда проигрывал он, они хохотали вместе, но Николай Иванович непременно настаивал сыграть еще раз. Из-за этого они иногда заходили в зал, когда было уже темно, и садились рядом на первые попавшие места, обычно в первом ряду. А потом они расходились, каждый своей дорогой.

Николай Иванович далеко не сразу заметил, что за своим черным с красными узорами платком Марина пыталась прятать рассыпчатые шелковистые волосы, что в ее глазах, задержавшись лишь на секунду, можно утонуть навсегда, и что ее маленькие нежные руки лишь делают вид, что двигают шашки - на самом деле они хотят одного - чтобы их целовали. Но, в конце концов, он все это заметил, и после этого, разумеется уже не мог больше ни выигрывать в шашки, ни подпрыгивать на стуле. Другой на его месте

попробовал бы разговаривать, делать комплименты, дарить цветы, казаться остроумным, или наоборот, таинственным. Но Николай Иванович остался нем - он лишь по-собачьи преданно смотрел Марине в глаза и с каждым разом все острее и острее переживал чувство *погладьеще*.

Однажды Марина пришла очень печальной и после сеанса попросила Николая Ивановича проводить ее домой. Во время этой долгой ночной прогулки Николай Иванович покорил Марину тем, что за все время не произнес ни единого слова. Зато он добросовестно впитал в себя всю ее печальную исповедь о какой-то неясной жизни, которую он, разумеется, понять был не в состоянии - однако этого от него и не требовалось. Нагрузив Николая Ивановича всеми своими тягестями, Марина в конце прогулки повеселела. У своего подъезда она наградила Николая Ивановича рассуждениями о его чистоте, доброте и всепонимании, чмокнула его в щеку и упорхнула. А он еще долго стоял на месте, придавленный неясными тягестями и с пылающей от восторга щекой. Во время этой прогулки он впервые услышал от Марины о человеке по имени Волк.

Потом их прогулки стали происходить регулярно, и Марина стала иногда приводить Николая Ивановича к себе домой. А однажды ей даже удалось его разговорить, и он немного поведал ей о *своих* проблемах. С тех пор Марина больше не провоцировала его на монологи и вполне удовлетворялась краткими междометиями и восклицаниями.

В то циничное время, когда я был жив, многие не поверили бы, что такое вообще возможно, но, тем не менее, Марина собрала в себе самое несчастное сочетание, какое только можно придумать для женщины: она была необыкновенно красивой, она была умной, она получила прекрасное художественное образование, она была дочерью очень богатого и в прошлом весьма высокопоставленного чиновника, и при всем этом она всю жизнь мечтала о любви. История ее жизни, хотя и не оригинальна, но все же достойна того, чтобы как-нибудь в другой раз рассказать о ней подробно - так уж получилось, что я узнал о ней намного больше Николая Ивановича. Самое поразительное, что у этой замечательной женщины хватило силы духа избежать стандартного финала: она не стала наркоманкой, она не вскрывала себе вены, она даже не стала законченным циником. Единственное чудачество, которое она себе позволяла, состояло в том, что раз в неделю она цепляла на себя своеобразный наряд из широких розовых штанов (собственноручно выкроенных из простыни), брезентовой штормовки и черного платка с красными узорами, и в таком виде инкогнито отправлялась смотреть мультфильмы в «Баррикады», а потом еще подолгу общалась с Николаем Ивановичем. И их общение могло бы продолжаться еще очень долго, если бы не неудачный запуск навозной ракеты и если бы не человек по имени Волк. В тот вечер Николаю Ивановичу предстояло узнать, что происходит, когда бездомная дворняга, переполняемая чувством *погладьеще*, начинает не вовремя приставать к своему благодетелю, когда тот занят важными делами.

В тот самый момент, когда Николай Иванович пошел прочь от Котлована, в одной из комнат громадной квартиры на четвертом этаже Дома-на-Набережной Марина села в кресло и закурила сигарету. Волк стоял к ней спиной и смотрел в окно. Она сказала какую-то несущественную фразу. Он промолчал и повернулся к ней лицом. Она снова что-то сказала, потом еще, потом резче, чем нужно стряхнула пепел. На его лице промелькнула спокойная волчья улыбка, и он тоже сказал короткую фразу.

Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что они беседуют о живописи, хотя на самом деле Волк просто заканчивал очень трудную, но красивую охоту, и жертва уже не сопротивлялась. Он задумчиво смотрел в пол и боковым зрением видел, что она не знает, где остановить свой взгляд, и как время от времени она бросает взгляд на него. В это время она еще помнила, как она его всегда ненавидела, она еще понимала, что он холодный спокойный охотник, но она уже чувствовала, что если он сейчас подойдет и возьмет ее за руки, то она их уже не отнимет. У него были магические руки - их прикосновение подчиняло ему все.

Он держал паузу и смотрел в пол. Он прекрасно знал, что она сейчас чувствует и, наблюдая боковым зрением, любовался ею. Истинный охотник всегда любит свою жертву. Она докурила сигарету и ее руки стали беспомощно метаться, не находя нигде покоя. Они хотели только одного - чтобы их целовали. Она откинулась на спинку кресла и, наконец, остановила свой затравленный взгляд на его остром волчьем лице: "Ну?!".

Он выдержал несколько секунд, а потом ловко поймал ее взгляд, удержал, не дал ускользнуть. Через него он вошел к ней внутрь. Он с упоением выпил ненависть из ее глаз, и в них осталась лишь мольба. Ее тело встало из кресла. Она сказала какую-то фразу и подошла к картине на стене. Она стояла к нему спиной; она больше ничего не помнила и не понимала - она ждала. А он все также стоял, опираясь на подоконник, всего лишь в двух шагах от нее и продолжал любоваться ею. Он знал, что это он заставил ее надеть это длинное вечернее платье и это жемчужное ожерелье со знаком тельца. Он гладил и ворошил ее распущенные шелковистые волосы, он обнимал и держал ее всю. Но он ждал. Ибо Волк никогда не охотится просто за телом - ему нужна душа, особенно если эта душа жаждет любви. И жертва должна придти к нему сама.

Наконец она резко повернулась. Она была божественно красивой в этот миг. Ее губы были приоткрыты, она смотрела ему в глаза уже без страха, без мольбы - в этот миг она себе уже не принадлежала. Она смотрела в его властные волчьи глаза и по этому лучу пошла к нему. Это были именно те мгновения, ради которых Волк выходит на охоту.

Она сделала шаг, и в этот момент вдруг раздался звонок в дверь, который все разрушил. Марина беспомощно оглянулась, снова посмотрела на Волка - однако луч уже исчез. Тогда она вдруг вспомнила себя и, оглушенная тем, что с не происходило, пошла открывать.

В квартиру вошел мокрый Николай Иванович и сразу же стал бормотать что-то про то, как ему плохо, про ракету с навозом... Марина растерянно спросила, почему он пришел так рано, и осталась неловко стоять в прихожей. Однако Николаю Ивановичу было все равно, где разговаривать, и он разразился длинным монологом о собственной ничтожности и о его любви к ней, к Марине - такой чистой и непорочной.

Через некоторое время в прихожую неслышно вышел Волк. Он немного послушал, о чем идет речь, потом, не торопясь, надел плащ, подошел к застывшей как статуэтка Марине и спокойно поцеловал ее в губы.

- Прощай, - ласково сказал он, накинул на голову капюшон и направился к двери.

Он видел, как вопили ее глаза, но он знал, что *те* мгновения больше никогда не повторятся. И он ушел. Потому что Волку подчинение не нужно - он охотится лишь за мгновениями победы.

Николай Иванович осекся на полуслове в момент поцелуя и после этого лишь таращил глаза. Щелкнула дверь. Марина распласталась по стене. Прошла целая вечность, а потом среди мертвой тишины Марина вдруг не выдержала и взорвалась:

-Да заткнись ты... кретин!

Она с трудом отлепилась от стены, и ее шелковистые волосы рассыпались по лицу. А потом раздался еще один тихий щелчок двери, и она осталась одна в темноте.

Вот, собственно, и все. Добавлю лишь, что после всех этих драматичных событий, я с Николаем Ивановичем больше не встречался. Слышал, будто он совсем выжил из ума. Говорили, будто съедаясь угрызениями совести и чувством личной вины за изгаженное состояние столицы, он стал ежедневно ездить в Москву с тазиком и тряпками и мыть тротуары, а вечерами, возвращаясь в Черноголовку, таскать кирпичи и восстанавливать разрушенный ЧУМ.

Но вот интересно, какие теперь ему снятся сны?...

1995 г.

ОРЛИНЫЙ СУП

Столько лет прошло, казалось и не вспомнить никогда лицо *этого* человека, а вот поди ж ты – узнал, сразу узнал! И *тот* его узнал, и глаза не отвел... А в глазах - не страх, не мольба и не издевка, а смертная тоска. Так и разошлись, не кивнув и не сказав ни слова. А потом, Господи, как накатило все опять! А ведь сколько лет прошло... Когда-то казалось, если встречу, убью. Молча, без всяких разговоров, возьму камень и убью. Не будет камня – руками задушу. А потом... нет, он его не простил, и не простит никогда, просто стало все равно. Иногда, правда, хотелось спросить, зачем? - зачем ты это сделал?! А потом и это стало неинтересно...

Домой пришел сам не свой, глядит, а на жене Марусе лица нет – ответ получила, окончательный ответ на все свои просьбы разъяснения и ходатайства: «Зачесть указанный Вами стаж работы не представляется возможным, ввиду отсутствия соответствующих документов. Пенсия Вам назначена в размере 12 (двенадцать) рублей 35 копеек». Вот так. А какие же могут быть документы, еб... м..., когда весь районный архив при бомбежке в 42-м году сгорел?! Выходит, что всю жизнь проработала Маруся – в колхозе, на фабрике, в магазине – ноги искалечила – все вены вздулись от стояния за прилавком - и наработала оказывается аж на 12 р. 35 коп. А еще его Колю, мужа своего, ждала. Десять лет...

Тогда, окопе рядом с ним только *этот* был. Как раз очередная атака захлебнулась – уже половина роты полегла. Коля закурил от трофейной немецкой зажигалки и в сердцах взял и ляпнул, дескать, ты погляди какую технику эти фрицы производят – дождь, ветер, даже в болоте побывала - и хоть бы хны – работает как новенькая! Да разве ж их вот так одними «ура» победишь?... А утром его взяли. *Десятка*. За распространение пораженческих настроений. И *«дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов - три дня лишних набавлялось...»* Не умеет он шоферить наверное не выжил бы, а так иногда удавалось подрядиться начальника лагеря возить – какая ни какая а передышка. А на *того* давно уже все зло перекипело, потому что за эти годы понял он, что главные злодеи не те, кто пишет доносы, а те кто их читает.

Сначала в землянке жили, потом худо-бедно домик построили, хозяйством обзавелись: на огороде смородина, клубника, две яблони, черешня, в сарае - кабанчик, по двору вон красавец петух ходит. Детей, правда, Бог не дал, да и какие там дети... Зато их любимый племянник, Витюша, каждое лето приезжает, как свет в окошке... Прошлым летом тайно окрестили его, батюшка к ним домой приходил – что б ни соседи, никто... Даже сестре Маруся не сразу созналась. Сам Витюша, конечно, ничего не понял, да и не нужно ему пока, а все ж так оно будет... надежнее... Только сказали ему, дескать, раз ты так любишь к нам приезжать, давай будешь нас звать мама Маруся и папа Коля. Теперь вот не просто племянник, а крестник... И все как будто ничего, а тут вдруг как на катило!... Такая обида, такая злость взяла! Николай невидящим взглядом уставился в окно, кулаки сжал, аж побелели, у-у-у-у суки!..

А за окном по двору ходил Витя и томился. Соседский мальчик Ленка куда-то уехал, смородина и черешня ещё не созрели, а лазить по зарослям огорода и пускать кораблики в луже посреди двора не давал петух. Петух и правда был красавец: большой, мощный, перышки коричневые с переливом, пышный хвост, мясистый гребешок – одно слово, порода! Он ходил по двору как повелитель, и куры его боялись ещё больше, чем Витя. Они боялись его настолько, что иногда даже позволяли ему залезать на себя верхом!

Петух считал себя безраздельным властителем двора. Куры подчинялись ему беспрекословно, а люди в его жизнь не вмешивались и кормили – поэтому он их терпел. Последнее время его сильно беспокоил затянувшийся конфликт с соседом – белым нахалом с разорванным гребешком. Спор шел о праве сидеть на заборе, разделяющем их

дворы. Два раза столкновения перерастали в открытую драку, но оба раза победителя не было - потеряв изрядную долю перьев, они с гордым видом расходились по своим территориям. Беляк был сильным и смелым бойцом, но ему пока не доставало опыта. Петух чувствовал, что время работает против него, и что пока не поздно, ему нужна решительная победа. И вот в это тревожное время во дворе появился двуногий коротыш...

Конфликт был неизбежен. Сначала Витин бумажный самолетик упал в самую гущу куриного гарема и произвел там страшный переполох. Потом петух остановил Витино передвижение с одной половины двора на другую в узком проходе между домом и забором. Витя сначала сунулся было напролом, наивно полагая, что имеет полное право на свободу передвижения, но петух отступить не собирался. Он так вздыбил перья и изобразил своим могучим телом такую мощь, что стало ясно - драка будет не на жизнь, а на смерть. И тут Витя совершил действие, совершенно немыслимое с петушиной точки зрения: он поднял с земли камень и метнул его в противника. Петух, естественно, поступил так, как подсказывал ему здоровый инстинкт: с громкими криками негодования он бросился наутек, увлекая за собой своих подруг. Путь был свободен, в этом столкновении Витя победил, но теперь он нажил себе смертельного врага. Такого унижения, да ещё при дамах, петух простить не мог. Теперь для них двоих не было места во дворе.

Развязка наступила вечером. Витя стоял спиной к огороду и следил за маневрами бумажного кораблика, плавающего по луже. Раскрасневшееся сонное солнце тихонько млело над бескрайним кукурузным полем. Откуда-то со стороны магазина слышалась тягучая песня пьяницы. Чьи-то гуси вразвалку шлепали домой по лужам и сонно гоготали между собой о прошедшем дне. Синий прозрачный туман стал подниматься от влажной усталой земли. Тихо и торжественно затихал день...

Однако в этот вечер годами устоявшийся порядок был нарушен. Петух, устало сопровождавший куриный гарем на насест, вдруг увидел своего обидчика, стоявшего к нему спиной. Дикая ярость преобразила, казалось, уже безвозвратно одомашненную птицу. Вдруг ожил и заработал чудом уцелевший за многие поколения селекции ген хищника орла, петух расправил крылья и ощутил себя владыкой гор и степей. Он взмыл над двором и, спустившись как крылатый демон, впился в Витину голову когтями. И в ту же секунду, собрав все свои силы, всю ненависть к своей поганой куриной жизни, петух нанес сокрушительный удар клювом прямо Вите в лоб.

Вопль невероятной силы остановил плавное течение вечера. От этого крика гуси начали спотыкаться и падать, а из дома, дико озираясь, выскочил папа Коля с огромным кухонным ножом в руке. Увидев его перекошенное яростью лицо, Витя сразу же замолк...

Такие вот дела... Ну и спрашивается, почему, за что из него сделали суп? Что он такого сделал? Ведь, в сущности, он просто защищал своих женщин и свою честь. Попробуйте объяснить петуху, что такое стукачи, что такое *десятка*, что значит пенсия 12 рублей и 35 копеек... «Все говорят – нет правды на земле, но правды нет и выше...». Да что мы вообще обо всем этом знаем?...

2007 г

ТЫ ПОЙМИ, СОЛДАТ...

Стоило приезжать на Кавказ, что бы так бездарно влюбиться! Ведь сказано же: «лучше гор могут быть только горы...», и вот пожалуйста, вместо того, чтобы мечтательно смотреть вверх на красавицу Белалакаю и мысленно прокладывать маршрут, Толик как собаченка таскался по всему Домбаю за девушкой по имени Алла, норовя при каждом удобном и неудобном случае заглянуть в ее бездонные глаза цвета июньской ночи. И что? Алла-то как раз засматривалась на Белалакаю, ей Толикины вздохания, если и нравились, то только в первый день, и то, пока он еще был способен хоть как-то прокладывать мысленный маршрут на вершину. На второй день она стала его избегать, а на третий ей все это надоело, и она решительно дала Толику от ворот поворот. Такие горы вокруг! - какая может быть любовь?...

Как поступает нормальный мужчина, любовь которого отвергли? Напивается вдрабадан, отправляется в бордель, иногда, бывает, теряет аппетит. В Домбае летом 1978 года чтобы напиться или попасть в бордель нужно было иметь хотябы некоторое количество денег и обладать внешностью ну никак не меньше комсомольского работника среднего звена. У Толика не было ни того, ни другого. Поэтому он натянул на ноги тяжелые альпинистские ботинки – *трикони* – и полез на гору.

Вообще говоря, Муса, или как ее официально называют, Мусат-Чери, - это даже не гора, а большой холм. Зайти на неё можно в шлепанцах, прогуливаясь с девушкой, слушая птиц и любуясь цветами. От простого холма Мусу отличает лишь то, что если очень захотеть, то на ней можно найти и такие места, где легко поскользнуться, а если очень постараться, то кое-где можно и разбиться. Толик не то чтобы очень старался – просто сердце у него было разбито вдребезги, и поэтому он как одел свои трикони, так и пошёл прямо вверх через лес, не разбирая дороги.

Поначалу всё шло нормально, если вообще что-то может быть нормально у человека с разбитым сердцем. Могучие двадцатиметровые ели величественно дышали о чем-то вечном своими высокими кронами, пели птицы, пахло мхом и картинами Шишкина. Затем, выйдя из леса и увидя «где-то там» макушку горы, Толик уподобился божьей коровке и стал двигаться по линии максимальной крутизны. Все повторяя и повторяя бесконечное «Ну и пусть!.. Подумаешь, красавица!..», он даже не заметил как перешел на четвереньки. Потом его вынесло на какие-то грязные и мокрые неведь откуда взявшиеся скалы. Затем он оказался в совершенно отвратительном «мусоропроводе», который так и приглашал разогнаться вместе с кучей камней и после небольшого трамплина спланировать в свободном падении прямо на кроны лежащего далеко внизу леса. Когда Толик, наконец пришел в себя и осмотрелся, было уже поздно, потому что о возвращении назад теперь не могло быть и речи. Такое очень часто бывает в горах – вверх еще может быть и можно, а вниз уже точно никак.

Дальнейшее было как в бреду. Он скребся по скалам, полз сквозь какую-то гадкую глинистую жижу, спускал вниз камни, из последних сил греб под себя... А далеко-далеко внизу прямо под его ногами безмятежно лежал Домбай, где жизнь продолжала идти своим чередом. Здесь люди по-прежнему ходили в ослепительных, как снега, белых штанах, ели шашлык, пили коктейли, а иногда, чтобы потом рассказать знакомым, и нарзан, бьющий тут же ключом из-под земли, они толпами ходили на Алибекский ледник, чтобы сделать по нему один шаг и с визгом поскользнуться, а синяк потом хранить как память и показывать близким знакомым, они, болтая ногами и поеживаясь

от высоты, поднимались на кресельном подъемнике на склоны Мусы, чтобы увидеть, величественный замок массива Домбай-Ульген и трогательную, похожую на лежащую навзничь женщину, гору Сулахат. И всем этим людям было совершенно невдомек, что где-то там, очень высоко у самого синего неба какой-то мальчишка из последних сил пытается удержаться на земле.

В те далекие, теперь уже почти легендарные времена, в Домбае можно было встретить людей трёх категорий: тех, кто собирается куда-нибудь залезть, тех, кто никуда лезть не собирается, и, наконец, тех, кого можно объединить под условным названием «иностранцы». Первые пребывали в Домбае транзитом. Они таскали тяжелые рюкзаки армейского цвета, ходили широким мерным шагом, волоча по земле ноги в тяжёлых ботинках, и их взгляды были обращены в лучший заоблачный мир. Для них Домбай - это было место, где можно стрельнуть бензин, вкусить напоследок цивилизованной пищи и купить новые шерстяные носки взамен протёршихся старых, стоящих где-нибудь под кроватью в альплагере. Вторые – это простые советские граждане, отбывавшие свой законный отпуск. Они попадали в Домбай утром, потому что их туда привозили и покидали Домбай вечером, потому что их оттуда увозили. Они наводняли местный рынок в поисках дешёвой шерсти и свитеров, ошалело поднимались на склоны Мусы, громко причитали «какая красота! какие виды!», потом садились в свои вонючие автобусы и уезжали. Некоторые успевали напиться. Третья категория - самая таинственная – это были иностранцы и комсомольские активисты. И хотя они вроде бы ходили по тем же дорожками иногда поднимались на те же склоны, с внешним миром они почти не соприкасались. Эти господа жили отдельно в специально для них построенной гостинице «Спутник», где, как тогда говорили, была даже сауна и бар.

Летом по окрестностям Домбая прогуливалось довольно много пожилых немцев. Не спеша, с тросточками и без тросточек они совершали свои сентиментальные прогулки и предавались ностальгическим воспоминаниям о делах давно минувших дней. В войну здесь тоже было много немцев, только молодых...

Летом 1942-го года лейтенант Вальтер Зельке воевал здесь в составе 98-го горнострелкового полка 1-й горной дивизии «Эдельвейс» 49-го горнострелкового корпуса под командованием генерала Рудольфа Конрада. Ему было двадцать четыре года и он был счастлив. В горах он всегда был счастлив. С самого раннего детства, сколько он себя помнил, горы всегда были рядом, они окружали его родной городок Валлгау в южной Баварии со всех сторон, и он мог часами смотреть на них как замороженный. А с того дня, когда маленького Вальтера отец взял с собой на несколько дней в Альпы, горы стали не просто частью его жизни – они стали самой его жизнью. Это было как сказочная фантастическая игра: все выше и выше, туда, где небо становится темно-синим, земля превращается в голубой лед, а счастье становится необъятным. Потом в руках появилась винтовка, потом автомат, но это все равно оставалось игрой. Нужно было не просто выше и быстрее – требовалось еще и переиграть тех других ребят, которые окопались там, на перевале. Потом была Норвегия, Франция и, наконец, трудные бои на Балканах в апреле 41-го года, где пришлось воевать с действительно серьезным грамотным противником. Там, после прорыва югославской обороны, в горах осталось много трупов, но что поделаешь, у этой игры есть свои жестокие правила...

Что-то в нем стало ломаться здесь на Кавказе в августе 1942-го года. Они шли с севера к перевалам Большого Хребта, и здесь, поднимаясь по ущельям, им пришлось воевать... нет, им пришлось убивать, убивать и убивать этих полуодетых, изможденных затравленных мальчишек. Эти «солдаты» впервые в жизни попали в горы, у них не было не то что горной экипировки, у них даже еды толком не было. У них

не было карт, у них не было связи, они тыкались по горам как слепые котята, они пытались передвигаться по высокогорью, по ледникам в разбитых армейских сапогах! Их бросили просто на убой. И их убивали и убивали... Об этом стараются не вспоминать, но у горной войны есть одно незыблемое и жестокое правило – здесь пленных не берут: при наступлении небольшими мобильными группами, их некому и некуда конвоировать, с пленными просто ничего нельзя сделать...

Впервые мало-мальски организованную оборону они встретили при подходе к Клухорскому перевалу, здесь в районе Домбая. Тропа, идущая с Северного Приюта на перевал была хорошо пристреляна и практически закупорена защитниками. Господи, эти дети считали, что на перевал можно попасть только поднимаясь снизу! Их, видимо, так научили. И еще они полагали, что по горам можно передвигаться только днем. Рота Вальтера Зельке обошла перевал слева и поднялась на никем не охраняемый гребень, который нависал над перевалом. В ночь на 16-е августа они свалились сверху на защитников как снег на голову. Все было кончено за полчаса... После этой операции Вальтер получил личную благодарности командира дивизии генерала Губерта Ланца и постепенно начал понимать, что война – это страшное дерьмо...

Потом спустя несколько месяцев Вальтер узнал на собственной шкуре, что это такое, когда тебя бросают на убой, когда твоим телом пытаются латать дыры. Зимой 43-го года их (элитные горные части!) бросили на прорыв к окруженной под Сталинградом 6-й армии Паульса. Но это была еще не бойня. Настоящая бойня произошла в районе озера Балатон в марте 45-го, после которой их дивизия перестала существовать. Вальтеру повезло – он не только выжил, но и остался цел. Более того, он даже избежал русского плена. Вернулся в родной Валлгау, женился, жена Марта родила ему двух замечательных девочек. Шли годы, жизнь налаживалась, и мертвецы стали все реже и реже приходить к нему по ночам. Но когда однажды в рекламе туристской фирмы он увидел слово Домбай, то тут же засобиравшись в дорогу...

Однако вернемся к нашей истории. В 1978 году советские продуктовые магазины делились на две категории: хорошие и очень хорошие. Хорошие магазины - это те, в которых иногда можно было купить кефир, хлеб и водку, а очень хорошие - те, в которых время от времени можно было купить что-то еще. Согласно этой классификации, продуктовый магазин, стоявший в Домбае у слияния рек Аманауз и Домбай-Ульген, был просто хорошим. И вот однажды в солнечный июньский день в этот магазин забрёл пожилой немец. То, что он пришёл за кефиром, продавец - местная женщина кабардинка - поняла, просто проследив за направлением его указательного пальца. Хуже обстояло дело с деньгами. Глупый иностранец никак не мог понять, что с его хрустящей бумажки нет и не может быть сдачи. При этом иноземный гость умел говорить только по-немецки, продавец - только по-кабардински, и они одинаково плохо понимали по-русски. Больше никого в магазине не было, ситуация была тупиковой.

И в этот момент дверь в магазин резко отворилась. Продавец и покупатель обернулись и увидели в проеме двери какое-то чучело. Оно не очень уверенно стояло на ногах и даже слегка покачивалось, но зато глаза его сияли бешеным восторгом и, казалось, вопили: «Я вернулся! Я жив!!!». Да, это был Толик, но только в сильно преображённом виде. Во-первых, штаны. Они были не просто мокрыми, а сплошь перепачканы полужидкой грязью цвета детской неожиданности, при этом в некоторых местах, главным образом в районе ягодич, их цветовая гамма была обильно разбавлена ярко-зелёными тонами домбайских трав. Пестрота раскраски рубашки не так бросалась в глаза из-за оторванного правого рукава и большой дыры замысловатой геометрии на левом боку. Кроме того его руки, перепачканные грязью того же сомнительного цвета, выдавали

предпочтение Толика передвигаться на четвереньках. Перемазанное той же грязью лицо, глубокая кровоточащая царапина на левой щеке, всклокоченные волосы – все это говорило о том, что Толик только что спустился с горы. На кабардинку облик нового покупателя не произвёл особенного впечатления – за много лет работы в этом эпицентре горного туризма она видимо привыкла ко всему. Зато немец, взглянув на Толика просто остолбенел...

...Услышав шорох, Вальтер оглянулся назад и просто остолбенел. Они уже второй час были на перевале, и только теперь он заметил, что здесь на совершенно открытом месте среди камней и трупов сидит живой и невредимый русский солдат! У этого мальчишки, как и у всех у них, были совершенно разбитые полуразвалившееся сапоги, он дико оглядывался по сторонам, и его глаза на перепачканом исцарапанном лице, казалось вопили: «Я жить, я жить хочу! Я не хочу умирать!!!». Из-за этих глаз, из-за этого его взгляда, все так и получилось. Его нужно было сразу же застрелить, а он не смог...

Толик довольно быстро оценил ситуацию и, полный желания кого-нибудь немедленно осчастливить, предложил свои услуги, обратившись к немцу с фразой: «Спик инглиш». Иностранный гость продолжал пребывать в состоянии столбняка. После «спик инглиш», он вздрогнул всем телом и выпустил из рук бутылку кефира, которая к счастью не разбилась, так как упала на деревянный прилавок. Затем он перевел свой взгляд вниз, уставился на Толикины *трикони* и стал медленно оседать на пол. Немного совладав с собой, немец на колени всё-таки не упал и, набрав полную грудь воздуха, на выдохе произнес: «Но-о-у!». После этого, оставив на прилавке хрустящую бумажку, он схватил свою бутылку кефира и, не отрывая от Толика немигающего взгляда, уселся на низкий подоконник тут же в магазине.

Трясущемися руками немец снял со своей бутылки крышку и, приложив к губам горлышко, запрокинул голову. Из бутылки, естественно ничего не полилось, хотя для иностранного гостя это было, по-видимому, полной неожиданностью. Он с недоумением посмотрел на перевернутую бутылку, потом на Толика, беззаботно пившего из такой же бутылки, затем снова приложил бутылку ко рту, закинул голову и стал вместе с ней подпрыгивать. Стекло неприятно стучало по зубам, но из бутылки по-прежнему ничего не лилось. Благородная душа Толика не выдержала. Сев рядом с немцем, он сказал: «Лук хиэ», молча закрыл свою бутылку крышкой и, сжав руками, стал изо всех сил трясти её вверх-вниз. После этого он чинно снял крышку и сделал несколько демонстративных глотков. Немец с энтузиазмом повторил предложенные Толиком операции, в результате содержимое бутылки смягчилось и крупными бульками стало отправляться в рот иностранному гостю. Затем, отпив с полбутылки и убедившись, что кефир больше не затвердеет, он стал, осторожно ёрзая ягодицами по подоконнику, придвигаться к Толику, не отрывая от него опасно-восторженного взгляда. В глазах у немца затаилась какая-то мысль, какой-то очень важный для него вопрос. Приблизившись на расстояние вытянутой руки, он протянул Толику своё левое запястье, на котором были часы, а указательным пальцем правой руки стал показывать на них пальцем. Толик посмотрел на свои часы – время на них было такое же - а потом перевёл вопросительный взгляд на немца. Тот стал указательным пальцем скрести по циферблату возле цифры четыре. Не понимая чего от него хотят, Толик сказал: «Фо».

- Фо! - как замороженный повторил немец. Затем он перевёл палец на цифру пять.

- Файв, - сказал Толик.

- Файв!!! - полной грудью выдохнул немец. После этого дрожащий от нетерпения палец переполз на цифру шесть.

- Сыкс, - сказал Толик.

- Сыкс!!! - пораженно вскрикнул немец, подскочил и выбежал из магазина.

Интересно, - размышлял потом озадаченный Толик возвращаясь к себе в альплагерь, - он что никогда не слышал английский счет? Или может он принял меня за говорящее потустороннее чудище?...

...Вместо того, чтобы его сразу же застрелить, Вальтер подошел и протянул флягу с водой. Мальчишку била дрожь, его руки тряслись и он никак не мог отвернуть колпачок. Вальтер помог открыть флягу, а потом, пока русский жадно пил воду, он с недоумением сам себя спрашивал: «я что с ума сошел, что я делаю?». В глазах у русского появился крохотный огонек надежды – может его не убьют?... Это становилось невыносимым. «Его нужно немедленно застрелить», - сказал себе Вальтер, и положил указательный палец на спусковой крючок автомата. И в этот момент русский сказал:

- Ду ю спик англиш?

- Найн, - с недоумением ответил Вальтер и тут же совершенно автоматически спросил:

- Шпрехен зи дойч?

- Ноу, - ответил русский и как-то по-детски улыбнулся.

Если ты не извращенец и не садист, нельзя заговаривать с человеком, которого ты собираешься убить. Это еще более жестоко, потому что, тем самым, ты даешь ему надежду. Вальтер совершил еще одну ошибку, ему вдруг стало любопытно, неужели, этот дикий маленький русский заморыш говорит по-английски? Сам Вальтер знал по-английски только счет до десяти. Он поднес к его лицу циферблат своих часов и стал тыкать пальцем в цифры. Русский быстро понял, чего от него хотят, и стал называть: «Ван... файв... эйт... сыкс...». Черт возьми, его необходимо застрелить, - в который раз повторил про себя Вальтер, понимая, что сам он уже это сделать не в состоянии. Между тем русский стащил с себя то, что когда-то было сапогами, и оказалось, что ноги у него сбиты в кровь. Вальтер принес ему свои запасные триконы и толстые носки. Теперь у мальчишки в глазах явственно светилась надежда, что его не убьют...

Подчиненные посматривали на Вальтера с полным недоумением, но молчали. Но когда он, не сказав никому ни слова, стал спускаться вниз в базовый лагерь, его сверху окликнули:

- Лейтенант?

- Исполняйте! - гаркнул он, не оборачиваясь, и быстро зашагал по тропе...

И тут у него впервые появилось ощущение, что он и все они по уши в дерьме. «Ты пойми, солдат, - уговаривал он сам себя, - это война. Если я тебя отпущу, то пойду под трибунал, а тебя все равно расстреляют на ближайшем же посту. Если я выделю конвой и отправлю тебя вниз, то тоже пойду под трибунал, потому что это прямое нарушение приказа командующего корпусом, а тебя все равно расстреляют...» В этот момент сверху с перевала послышалась короткая автоматная очередь. Он вздрогнул всем телом и на секунду остановился. «Ты пойми, солдат, - в отчаянии бубнил он сам себе, - приказ командующего корпусом может отменить только командующий корпусом. Ты что хочешь, чтобы я сейчас экстренно выходил на связь со штабом и просил генерала Конрада не расстреливать русского мальчишку на том основании, что он безумно хочет жить?.. Ты пойми, солдат, - это война, и меня есть приказ, и я тоже солдат...

По тенистой дорожке Домбайского леса медленно брел старик и тихонько плакал. Ему подумалось, что может быть теперь мертвецы, наконец, перестанут приходить к нему по ночам?... Конечно, это был призрак, - *трикони* вышли из употребления еще в пятидесятые годы. Может быть он пришел сказать, что его все-таки не расстреляли тогда на перевале? Или может он просто пришел, чтобы меня простить...

Поразительно, как иногда судьба тасует свою колоду. Будучи в совершенно других пространствах и временах, я однажды познакомился в немецкой девушкой из небольшого баварского городка, которую звали Татьяна. Она сказала, что у нее есть сестра, и сестру зовут Ольга. Я спросил, у нее что, родители русского происхождения, или может просто очень любят Пушкина? Нет, - ответила она, - родители самые что ни на есть чистокровные немцы, книжки если и читают, то по садоводству. Просто мой отец воевал на восточном фронте. Она полагала, что это все объясняет. Наверное так оно и есть...

2007 г

Умереть в Париже

Последние дни лицо у мамы стало строгим и отстраненным, а взгляд - отсутствующим, как будто она была уже не здесь. Она больше не могла держаться на ногах и ничего не могла удержать в руках - ее кормили с ложечки - точно так же как когда-то давно она кормила своих детей. Умерла она тихо и без мучений - просто перестала жить.

Позвонили пожарникам (спасателям), рассказали, что и как: 93 года, умерла только что. Диспетчер сказал, что машина выезжает, а мы должны быстро положить маму на пол и изо всех сил делать ей массаж сердца.

- Я буду давать ритм: ток... ток... ток... ток... ток... ток... Не прекращайте, держите ритм! Ток... ток... ток... ток... Машина уже в пути... ток... ток... ток... Держите ритм! Ток... ток... ток... Надавливайте сильно, как можете... ток... ток... ток... Если сломаете ребра - это не страшно... ток... ток... ток...

Машина подлетела через три минуты. Вбежали три крепких молодых человека с большими ранцами и кучей всякого оборудования. Огромными ножницами быстро разрезали одежду и стали прилаживать свою аппаратуру.

Через минуту, поняв, что у них ничего не получается, пожарники по своей связи вызвали реанимобиль с командой профессиональных реаниматоров из ближайшего госпиталя. Еще через три минуты с воем и мигалками к дому подлетела еще одна машина, и вбежали еще три человека с какой-то своей аппаратурой. Попросили всех выйти...

Через некоторое время из маминой комнаты вышел пожилой врач и тихо сказал: "Она умерла. Сожалею, но мы ничего не смогли сделать... Увы, жизнь не бесконечна..."

.....

...У нее было столько возможностей умереть: и в младенчестве, и в детстве, и в юности - ан нет! - умерла в 93 года в своей постели в окружении детей и внуков. Одиннадцатый ребенок в бедной деревенской семье, только что закончилась гражданская война, есть нечего - никто не верил, что она выживет, однако ж нет! - девочка оказалась очень живучей. Это, наверное, у нее с тех пор выработалась такая хватка за жизнь. "Так хочется еще немножко пожить!" - повторяла она в свои последние годы у нас в Париже...

Потом - коллективизация. Отцу семейства местные активисты говорили: "Ты что, придурок?! - Ты же бедняк, это же для тебя делается!". А он: "В колхоз не пойду - там в Бога не верят!". Мама говорила, на показательном суде он уверенно повторял: "Моя власть меня не осудит!". Ничего - осудила как миленькая: 5 лет, Бекломорканал. Говорят, он сгорел там за два месяца. Из десятка осужденных односельчан вернулся один и принес узелок с одеждой. По правилам, должны были уничтожить и всю семью, но почему-то не стали. То ли разрядку уже выполнили, то ли потому что иногда даже палачи бывают людьми... Потом - голодомор. Полтавщина, харьковщина - это был самый эпицентр. Мама говорила, что в первую зиму не умерли только потому, что одна из сестер работала прислугой в "богатом доме" местного советского начальника и тот из жалости немного подкармливал всю семью. В селе трупы валялись просто на улице. Те, у кого была сильная жажда жизни - живые мертвецы - сползались в Полтаву и умирали там. Умирали не все - кто был просто пожилым, кто сумел-таки припрятать немного зерна, кто еще как... Это тогда на Полтавщине родилось поверье, что тот, кто поел человечины сразу же и навсегда превращается в старика. В моем детстве показывали пальцем на одну местную старуху и говорили, что она не умерла в голодомор - и все понимали, почему... Ко второй зиме, как это тогда часто случалось, жалостливый начальник исчез, и, казалось, шансов уже не оставалось никаких. Но тут сжалилась сама природа...

В моем детстве мама била меня всего два раза. Один раз, когда я в нашей хате на деревянном полу под деревянным столом развел костер - тут у меня не было никаких возражений - и второй раз, когда увидела, как я во дворе жевал травку, которую мы называли спорыш, там и сям видневшуюся среди снежных проталин. Потом она плакала, просила у меня прощения, рассказала, что в ту вторую страшную зиму они не умерли только потому, что была необычно ранняя весна, и на снежных проталинах было много спорыша...

Потом - война. За Полтаву не было боев, зато как раз на Полтавщине у Лохвицы немцы закрывали тот огромный, жуткий Киевский котел, и как раз там в той безумной мясорубке сгинул мамин брат Василий. Последнее, что осталось о нем в памяти семьи - это фраза уцелевшего сослуживца: "Бежал босиком и отстреливался...". Мама рассказывала, какой это был страшный промежуток - наши ушли, немцы еще не пришли - полное безвластие, а ей 20 лет... И случайно подслушанный разговор двух местных советских активистов (может быть как раз тех самых, что погубили отца): они радостно рассуждали, что Германия - это же цивилизация, и, наконец, наступит настоящий порядок. Разумеется, сразу же по приходе немцев они стали полициями. Дальше стало еще страшнее. Не все знают, что не только в Карпатах, но и на Полтавщине, таки много лесов, и к "экологическому" призыву: "Украинцы, берегите леса - они нам еще понадобятся!" здесь всегда относились (и относятся!) с большим пониманием. Началась партизанщина. Маминого брата Григория и нескольких его товарищей немцы поймали и заперли в сарай, чтобы утром на глазах у всего села повесить. Сарай был хлипкий, под стеной сделали подкоп, ребята попытались бежать, но у немцев были овчарки и всех, кроме Григория переловили и перебили. Григорий же, слыша за спиной собачий лай, сиганул в какой-то бездонный обрыв, и немцы решили, что он разбился. А он всего лишь сломал себе ногу и на всю жизнь остался хромым. На следующий вечер немцы согнали жителей села в амбар с тем, чтобы утром всех сжечь. Но тут как раз началась, оказавшаяся в последствии очень неудачной, Харьковская операция 42-го года. Эсэсовскую часть, стоявшую в селе подняли по тревоге и отправили навстречу наступавшей Красной армии, а в село вместо эсэсовцев вошла румынская часть, и ее командир получил приказ сжечь амбар вместе со всеми жителями. Я не знаю и никогда не узнаю, кто был тот румынский офицер, какие у него были мотивы, очень возможно, что в жизни он был далеко не ангелом, но в тот майский день 42-го года он не выполнил приказ! Наверное, он просто не смог. Поэтому моя мама не превратилась кучку пепла и не удобрила и без того плодородный полтавский чернозем, а спустя много-много лет тихо и мирно умерла в своей постели в окружении детей и внуков. Затем ненадолго пришли наши, и немцы их тут же стали запираить в огромный Харьковский котел. Мама уходила вслед за отступавшими частями Красной армии, еще успевавшими выскочить через оставшееся узкое горлышко. Перед ней была речка, а через речку - мост. Наши части ушли далеко вперед, и поэтому, рассуждала она, мост наверняка заминирован. С той стороны реки ей отчаянно махали руками саперы, давая понять, что на мост ступать нельзя. Она же рассуждала так: ведь наверняка минирование рассчитано на транспорт, и мины должны быть установлены там, где едут колеса. Поэтому она пошла точно посередине моста. Она правильно решила задачку. Наверное, потому, что уже тогда она говорила себе: "Так хочется еще немножко пожить..."

Отпевание прошло в парижском православном храме святого Сергия. Похоронена 23 января 2015 года на кладбище Cimetière под Парижем. Два сына, два внука, четыре внучки, пять правнуков и одна правнучка. Voilà la belle vie!

2015

ОТЕЦ

Существует такое странное чувство: щемящая любовь. Оно возникает, когда любовь, безнадежность и смирение уживаются вместе. А когда волна схлынет, остается тепло и печаль. С этой теплой печалью я теперь часто встаю по утрам.

Ночами я стал часто приходить к своему Отцу. Я прихожу в наш старый дом, построенный когда-то самим Отцом своими руками от фундамента до крыши, где он теперь сидит на низкой табуретке и греется у печки. Он всегда любил сидеть на этой табуретке и слушать огонь, но почему-то приходить к нему я стал только теперь. Господи, это такое счастье - ведь я видел этот сон столько раз - обнаружить, что это теперь никакой не сон, что мой Отец действительно снова жив. Он такой умиротворенный, мой любимый Отец, и я могу сесть рядом и разговаривать с ним.

Он весь седой, мой старенький Отец, а желтый огонь через щелку в печке играет на его глубоких морщинах, сплетая из них все новые и новые узоры. Господи, почему же мы раньше так никогда не сидели с ним вместе.

Но это теперь не важно. Важно, что *не было* этой смерти, не было! - это было просто какое-то досадное недоразумение - и теперь у нас с ним впереди целая Вечность. Важно, что я теперь сказал ему, что я его люблю, что я горжусь им, своим Отцом, и что он мне так нужен. Господи, ну почему я за всю жизнь ни разу ему этого не говорил?

Я теперь его понял, я, наконец, понял, что происходило всю эту жизнь. Я понял это только теперь, когда чуть было не произошла эта смерть, когда, казалось, я никогда уже не смог бы ему сказать, что горжусь им, своим Отцом. Господи, ведь он мог уйти от меня навсегда, и так и не услышать от меня этих слов!

Я теперь знаю, в чем было дело. Вам когда-нибудь приходилось жить в те последние дни, когда на Землю пришел князь тьмы и разбросал по миру цветастые ловушки соблазнов? Мне нет. А ему пришлось. Кто мог тогда знать, что это лишь генеральная репетиция? - все это было очень серьезно.

Сказано: "Грех великий Божью Искру в землю зарывать". Воистину так, но не то во дни князя тьмы, когда даже самая светлая Искра и та служит демону зла. А чем выше талант, тем более во зло. А если не во зло, то тогда смерть - но это выбор для сильных. Мой Отец не был сильным. А Божью Искру имел, и не одну. А ведь сказано еще, что во дни князя тьмы даже самоубийство будет меньшим грехом.

Не знал Отец ничего этого. Ни про князя тьмы, ни про Божью Искру. Но душа его каким-то верхним чутьем всю его жизнь всегда распознавала и слышала сквозь трескотню всех этих зазывал, что есть во зло. Все было во зло.

Сильный мог пойти через все это дерьмо, пропустить весь этот ужас через свою душу, но потом очиститься и подняться. Но мой Отец не был сильным.

Его душа приняла другую муку: все Божьи Искры легли в землю и погибли. Все. Господи, ведь это такая великая мука: иметь Божьи таланты и задор, прожить такую долгую жизнь, но не шелохнуться во всей этой призывной цветастой свистопляске и молча загубить свою жизнь, не сказав, не написав, не сотворив *ничего* из всего, что мог бы оставить этому миру в другие дни.

Господи, такая мука... Хуже только убить себя - но это пока еще грех: великое представление еще не началось.

Отец пронес эту муку через всю свою жизнь, через все эти окаянные дни, от самого их начала до самого их конца. В своей жизни он просто построил дом и вырастил сына. И он теперь *чист* перед Богом. Чист и светел, мой любимый Отец.

Смог бы я так? Не знаю, наверное нет, но у меня свой путь. Господи, но почему же я так долго ничего этого не понимал?

Отец улыбается мне своими добрыми глазами: он все понимает. Желтый огонь плетет все новые узоры на его лице. Танцующие тени. Тепло. Этот наш дом.

Я буду часто приходить сюда. Я так скучаю по своему Отцу, по своему дому. А потом, когда я, наконец, переделаю все свои дела, я останусь здесь навсегда.

1993 г.